

ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС: СОЦИАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РФ ШЕСТОГО СОЗЫВА: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БАСЕЙНА РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ^{1,2}

Тев Д.Б.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.3>

Аннотация. В статье проанализирован социально-профессиональный бассейн рекрутирования депутатов Государственной Думы шестого созыва. Эмпирической основой исследования послужила база данных, содержащая биографические сведения о 532 парламентариях. Автор выявляет ряд тенденций рекрутирования. Парламентская элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов Госдумы, номенклатурный опыт распространен шире, чем среди административной и экономической элиты страны. Доминирующей тенденцией постсоветской карьеры депутатов является политическая профессионализация: большинство их на момент избрания в шестой созыв были профессиональными политиками, в основном, думскими инкумбентами. Важной тенденцией является бюрократизация депутатского корпуса, значительная часть которого в постсоветский период имела опыт работы в административных структурах. Имеют место динамические переплетения между административной и политической элитами РФ, особенно на уровне руководства парламента. Довольно выражена милитаризация политической элиты: доля

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № государственной регистрации АААА-А17-117030110144-3).

² Данная статья представляет собой расширенную и переработанную версию ранее опубликованной статьи: [Тев 2017].

выходцев из силовых структур в российском парламенте гораздо выше, чем в legislatures стран Европы, хотя и ниже, чем в административной элите страны. Бизнес является наиболее значимым источником рекрутирования членов парламента за пределами политико-административных структур. По уровню плутократизации Госдума существенно превосходит legislatures большинства стран Запада. Хотя представителей крупного в общенациональном масштабе капитала немного, переплетения экономической и политической элит страны имеют место. В то же время некоторые профессиональные категории, широко представленные в legislatures западных обществ — юристы (Конгресс США) и преподаватели (парламенты стран Европы), довольно слабо присутствуют в Госдуме. Наконец, прямые выходцы из рабочего класса и, вообще, с неключевых позиций в экономических структурах очень слабо представлены в парламентской элите, которая характеризуется довольно высокой степенью социальной закрытости.

Ключевые слова: Государственная Дума, депутаты, бассейн рекрутирования, профессионализация, бизнес, администрация, номенклатура, силовые структуры, юристы, преподаватели, рабочие.

Значимость исследования социально-профессионального бассейна рекрутирования политической элиты определяется рядом обстоятельств. Во-первых, его характеристики могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, лежащей в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует. Р. Патнэм отмечал, что «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» (Putnam 1976: 43). Изучение социально-профессиональных характеристик политической элиты позволяет, в частности, лучше понять особенности политической организации данного общества (включая место парламента в системе власти, характер партийной системы, специфику взаимоотношений государства и бизнеса и пр.).

Во-вторых, социально-профессиональное происхождение законодателей и, в целом, государственных деятелей может, в некоторой степени, влиять на их политические аттитюды и поведение. Впрочем, многие исследователи ставят под сомнение такую зависимость. Обзор соответствующей литературы, сделанный Д. Мэттьюзом, обнаружил,

что существует мало доказательств сильных и последовательных связей между переменными социального происхождения, с одной стороны, и политическими аттитюдами и поведением законодательных элит, с другой (Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski 1995: 210). В частности, ряд исследований, проведенных в США, не выявил значительного влияния некоторых типов предшествующего избранию в Конгресс или легислатуры штатов профессионального опыта (а именно, юридического и военного) на политическое поведение законодателей (Derge 1959: 431; Dyer 1976: 452; Green, Schmidhauser, Berg, Brady 1973; Bianco 2005). Это, в общем, неудивительно, поскольку отдаленное влияние социально-профессиональных корней парламентариев может ослаблять тот факт, что они интенсивно социализируются в рамках самих политических институтов, работая в партиях, местных органах власти, парламенте, взаимодействуя с правительственными чиновниками (Norris, Lovenduski 1995: 210). По словам К. Витко и С. Фридман, «влияние институциональной социализации может перевесить прошлый опыт, и требования непосредственной политической повестки дня, будь то продиктованные партиями ... или критическими событиями..., могут иметь приоритет над собственными интересами и предпочтениями члена парламента. Кроме того, обязательства представлять интересы избирательного округа часто будут первоочередными в умах законодателей, независимо от предшествующего занятия законодателя» (Witko, Friedman 2008: 72-73). Тем не менее, некоторые исследования все же подтверждают значимую связь между профессиональным происхождением и законодательным поведением. Например, показано, что юристы в легислатурах штатов США отличаются от не-юристов с точки зрения голосования (Dyer 1976). Н. Карнс установил, что выходцы из рабочего класса в Конгрессе США выражают наиболее либеральные экономические предпочтения, в то же время законодатели, вышедшие из профессий, ориентированных на прибыль (владельцы ферм, бизнесмены и специалисты частного сектора) голосуют наиболее консервативно по экономическим вопросам (Carnes 2012). К. Витко и С. Фридман показали, что члены Палаты представителей США, пришедшие из бизнеса, голосуют в большей степени в его интересах, причем те кто, вышел непосредственно из этой сферы, поддерживают больше ориентированного на бизнес законодательства. Хотя влияние происхождения из бизнеса на политическое поведение законодателей небольшое, оно сохраняется при контроле партийности и идеологии (Witko,

Friedman 2008). Также и на примере Государственной Думы РФ П. Чейсти установил, что связь депутатов с определенными экономическими секторами (происхождение из бизнеса) является сильным предиктором некоторых аспектов их законодательного поведения (Chaisty 2013b: 729-732).

В-третьих, особенности бассейна рекрутирования политической элиты могут быть связаны с такими ее характеристиками, как сплоченность и легитимность. Гомогенность социально-профессионального профиля законодателей может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа (Edinger 2010: 132). В свою очередь, Р. Патнэм писал, что политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления (Putnam 1976: 44). Как отмечал Д. Мэттьюз, «кажется правдоподобным предположить, что результаты законодательного рекрутирования влияют на успех законодательства как легитимирующего органа: британская Палата общин, состоящая исключительно из выпускников Оксбриджа, или американский Сенат, составленный исключительно из белых мужчин — миллионеров, кажется, не способствовали бы счастливой уступчивости масс в наши дни» (Matthews 1984: 556). В свою очередь, можно предполагать, что широкая представленность выходцев из простого народа, прежде всего, рабочего класса, в Верховном совете СССР облегчала выполнение им легитимирующей функции в рамках существовавшего тогда политического режима. Впрочем, легитимность политической элиты может зависеть не только от того, насколько ее социально-профессиональный состав отражает структуру подвластного населения, но и от присутствия в ней выходцев из таких профессиональных групп, которым граждане могут быть склонны приписывать компетентность, необходимую для осуществления законодательной деятельности (например, юристов).

В общем, по ряду причин, социально-профессиональный бассейн рекрутирования политической элиты является значимым предметом исследования. Объектом настоящего исследования стал депутатский корпус Государственной Думы РФ шестого созыва. Надо сказать, что существует ряд исследований социально-профессионального профиля депутатов Госдумы разных созывов, в том числе и шестого. Следует

особо выделить исследования, проведенные Е. Семеновой (Semenova 2011; Semenova 2012a), О.В. Гаман-Голутвиной (Гаман-Голутвина 2006a; Гаман-Голутвина 2006b; Гаман-Голутвина 2012) и П. Чейсти (Chaisty 2013a; Chaisty 2013b). Однако шестой созыв Госдумы целиком, т.е. включая всех депутатов, которые по разным причинам выбыли в ходе его работы, и, соответственно, занявших их место законодателей, еще не изучался. Кроме того, нужно отметить, что это исследование было проведено по той же методике, что и выполненные ранее автором исследования федеральной административной элиты (Тев 2016a) и экономической элиты России (Тев 2016b), и, значит, существует возможность для сравнения различных элитных фракций. Всего в исследуемую совокупность вошло 532 депутата Госдумы шестого созыва (табл. 1).

Таблица 1

Состав Государственной Думы шестого созыва, чел.

Группа депутатов	Численность
Фракция ЕР	289
Фракция КПрФ	104
Фракция СР	74
Фракция ЛДПР	65
Руководство Госдумы (спикер, вице-спикеры, председатели комитетов, руководители фракций)	57
Всего депутатов	532

На каждого парламентария была заведена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о дате и месте рождения, месте получения и типе высшего образования, карьерном пути, владении собственностью, родственных связях. Источниками информации служили официальные сайты государственных органов (включая ЦИК РФ), биографические порталы (например, lobbying.ru, viperson.ru), материалы СМИ, документы коммерческих структур и пр.

Далее будет подробно рассмотрен бассейн рекрутирования депутатов Госдумы шестого созыва, раскрыта роль ряда социально-профессиональных категорий в качестве поставщиков парламентариев. Некоторые такие группы следует рассмотреть особо, поскольку они выступают действительно важным источником рекрутирования российских депутатов. Другие группы, хотя и довольно малозначимы в этом качестве,

тем не менее, заслуживают отдельного внимания с точки зрения сравнения отечественного парламента с парламентами зарубежных стран, где они широко представлены. Наконец, есть категории, которые слабо присутствуют в парламентах, как в России, так и за рубежом, но они требуют особого рассмотрения, поскольку занимают важное место в социальной структуре общества и сам факт отсутствия выходцев из них в составе парламента важен для понимания социального характера политической элиты.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ НОМЕНКЛАТУРА КАК ИСТОЧНИК РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Одной из важных характеристик постсоветских элит, привлекающей внимание исследователей, является степень их укорененности в структурах политико-административной власти советского общества. Вопрос о роли советской политико-административной номенклатуры как источника рекрутирования постсоциалистических властных элит активно обсуждался в научной литературе в связи с более общей проблематикой воспроизводства/циркуляции властных групп в процессе радикальной общественной трансформации (Szelényi, Szelényi 1995; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Böröcz, Róna-Tas 1995; Крыштановская 1995; Kryshstanovskaya, White 1996; Крыштановская 2002a). Кроме прочего, важность этого вопроса связана с тем, что, как показывают некоторые исследования, наличие опыта работы в партийных, советских и комсомольских органах (номенклатурного опыта) является одним из факторов, существенно дифференцирующих политические ценности и аттитюды членов властных групп (Региональные элиты... 2001; Сафронов 2010).

Исследования 1990-х-начала 2000-х гг. выявили, что в России уровень номенклатуризации постсоциалистических элит (как административно-политической, так и, в меньшей степени, экономической) был довольно высоким, выше, чем в ряде стран Восточной Европы (Szelényi, Szelényi 1995: 627–628; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Böröcz, Róna-Tas 1995: 767–768, 772–773; Крыштановская 1995: 64–65; Kryshstanovskaya, White 1996: 727–729; Крыштановская 2002a: 42–43). Вообще, как отмечают исследователи, для тех стран, где переход к демократии был инициирован «снизу» и происходил посредством массовой мобили-

лизации (как, например, для Чехии) характерна высокая циркуляция политико-административных элит, и, напротив, там, где, как, например, в России, политическая трансформация была инициирована «сверху», наблюдалось большее воспроизводство властных групп (Semenova, Edinger, Best 2014: 286). Впрочем, со временем старение номенклатурных кадров способствовало сокращению их присутствия во властных группах. Как показали проведенные автором в 2013 и 2014 гг. исследования доля бывшей политико-административной номенклатуры в составе административной и экономической элит РФ относительно невелика (табл. 2).

Таблица 2

Номенклатурный опыт элитных групп РФ, в %

Властные структуры	Элитная группа		
	Административная (N=575)	Экономическая (N=740)	Политическая (Госдума)
Органы КПСС	1	2	15
Органы ВЛКСМ	3	3	14
Советские, представительные (до 1989)	1	1	8
Советские исполнительные (до 1989)	6	3	6
Итого¹	11	6	27

Однако, как видим, уровень номенклатуризации политической элиты (депутатского корпуса Госдумы) в современной России существенно выше, она сильнее укоренена в структурах политико-административной власти советского общества, чем две другие элитные фракции. Тем не менее, если сравнивать эти цифры с данными исследований предыдущих созывов Госдумы, проведенных другими авторами, то можно, по-видимому, говорить о постепенной тенденции к снижению удельного веса номенклатуры в депутатском корпусе. Например, согласно цифрам, которые приводят Г. Илонски и М. Эдингер, в четвертом созыве Госдумы вдвое больше депутатов — 30% имели опыт работы функционерами КПСС, по крайней мере, на местном уровне (Ilonszki,

¹ Цифры в этой строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, т.к. одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе власти (то же относится и к Таблице 3).

Edinger 2007: 153). По данным Е. Семеновой, треть парламентариев Госдумы первых пяти созывов занимала высокую должность в КПСС (Semenova 2011: 921).

Наконец, следует отметить, что довольно велики межфракционные различия в уровне номенклатуризации депутатского корпуса.

Таблица 3

Номенклатурный опыт депутатов, в %

Властные структуры	Группы депутатов				Все депутаты
	Фракция ЕР	Фракция КПрФ	Фракция СР	Фракция ЛДПР	
Органы КПСС	12	40	3	2	15
Органы ВЛКСМ	14	24	12	2	14
Советские, представительные (до 1989)	9	17	1	2	8
Советские исполнительные (до 1989)	8	8	4	2	6
Итого	26	52	16	5	27

Как видно из таблицы 3, наименьшее присутствие бывшей номенклатуры характерно для фракции ЛДПР. Напротив, советско-традиционалистская КПрФ, как и, согласно исследованиям, другие партии-преемницы в постсоциалистических странах (Pionszki, Edinger 2007: 153; Semenova, Edinger, Best 2014: 300), демонстрируют наибольший уровень номенклатуризации. Некоторые нынешние члены фракции КПрФ занимали довольно высокие посты в партийной иерархии (например, среди депутатов-коммунистов встречаются бывшие первые секретари обкомов КПСС), и в начале 1990-х гг. испытали резкую нисходящую социально-профессиональную мобильность. В сущности, одной из важных функций КПрФ стало обеспечение в постсоветских условиях политического выживания бывшей номенклатуры в депутатском качестве. Стоит добавить, что проведенное в 2011 гг. исследование регионального депутатского корпуса партий «второго эшелона» — КПрФ, ЛДПР и «Справедливой России» — выявило аналогичные различия: меньше всего номенклатуры в рядах «жириновцев» и больше всего у «зюгановцев» (Тев 2012: 60–62). Эти различия обусловлены, вероятно, рядом факторов, включая специфику партийной истории и идеологии, но, в частности, они тесно связаны со значительными воз-

растными различиями между фракциями. Фракция ЛДПР является самой молодой: более половины (55%) ее членов родились в 1970–80-е гг. и фактически не имели возможности достичь позиций политико-административной власти в советское время. Напротив, фракция КПРФ — самая пожилая: более 70% ее членов родились в 1930–50-е гг. и только 15% в 1970–80-е гг.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ КАРЬЕРЫ ДЕПУТАТОВ

В сравнении с номенклатурным опытом, постсоветский опыт работы в органах политико-административной власти до избрания в шестой созыв парламента гораздо более распространен среди депутатов. Одной из важнейших тенденций их постсоветской карьеры является политическая профессионализация. В этой связи нужно отметить, что проведенный ранее анализ административной и экономической элит РФ показал, что профессионализация — также доминирующая тенденция их рекрутирования. На момент вхождения в текущую должность члены этих властных групп обычно уже имели более или менее длительный опыт работы в соответствующей сфере и занимали в ней ключевую позицию. Иными словами, рекрутирование этих элит носит преимущественно «внутренний» характер, основными его каналами являются, соответственно, административные и экономические структуры.

Применительно к политической, парламентской элите профессионализация связана с наличием политического опыта перед вхождением в нынешнюю должность. Такой профессиональный опыт может быть довольно разнообразным, включая работу в представительных органах разного уровня и политических партиях, но если говорить о профессионализации в самом узком смысле, то речь идет о наличии опыта членства в самом парламенте до избрания в его нынешний состав, то есть о том, насколько выражена тенденция преемственности (или, напротив, обновления) депутатского корпуса от созыва к созыву.

Исследования парламентской элиты в западных обществах показывают, что, в целом, профессионализация даже в этом, узком смысле является доминирующей тенденцией. В развитых капиталистических демократиях степень воспроизводства депутатского корпуса от созыва к созыву высока: большинство парламентариев на момент избрания

в действующий созыв заседало в предшествующем созыве (Matland, Studlar 2004: 92–94)¹. В принципе, выраженная тенденция к воспроизводству парламентской элиты неудивительна. Отчасти она объясняется преимуществами, которые инкубенты имеют перед другими кандидатами в депутаты; среди них наличие опыта избирательной борьбы и парламентской деятельности, узнаваемость имени действующих депутатов, работа которых довольно широко освещается СМИ; штат помощников, возможность использования депутатами своей властной позиции и связанных с ней ресурсов для оказания различных услуг избирателям с целью обеспечения поддержки с их стороны, а также для налаживания ценных связей в элитных кругах, благодаря которым приобретаются влиятельные союзники во время выборов, привлекается их организационная и финансовая помощь (Григорьева 2012: 14–15; Медведев 2010: 76–77; Erikson 1971: 395). Надо сказать, что эта тенденция имеет противоречивые последствия (Putnam 1976: 66–67; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 80; Matland, Studlar 2004: 88–89; Shabad, Slomczynski 2002: 333; Crowther, Matonyte 2007: 294; Ilonszki, Edinger 2007: 157). С одной стороны, низкий уровень обновления элиты может негативно влиять на инновационность и гибкость политической системы, способствовать изоляции законодателей от народа. Напротив, относительно высокая сменяемость депутатов может обеспечивать большую представительность парламента и его восприимчивость к меняющимся общественным требованиям и интересам, а также благоприятствовать политической инновации. С другой стороны, высокий уровень сменяемости ведет к недостатку профессионализма, компетентности, усвоения ролей, подрывает развитие корпоративного духа, что важно для эффективного функционирования парламентской машины. Часто сменяемый парламент находится в уязвимой позиции по отношению к более устойчивой правительственной бюрократии.

Говоря о Государственной Думе, нужно отметить, что тенденция к персональному воспроизводству и, в этом смысле, к профессионализации депутатского корпуса также весьма заметна и, по данным ряда исследований (Гаман-Голутвина 2012: 134; Завадская 2012: 121), усиливается.

¹ Впрочем, как свидетельствует пример французских выборов 2017 г., в странах с развитой демократией персональный состав парламентской элиты может обновляться радикальным образом (Во что превратился... 2017).

Таблица 4

Парламентский опыт депутатов Госдумы шестого созыва, в %

Группа депутатов	Работали в пятом созыве	Работали в трех и более созывах	Работали во всех созывах
	Госдумы	Госдумы	Госдумы
Фракция ЕР	46	27	1
Фракция КПрФ	48	35	7
Фракция СР	41	22	3
Фракция ЛДПР	35	20	2
Руководство Госдумы	72	54	9
Все депутаты	44	27	3

Как показывает таблица 4, 44% депутатов Госдумы шестого созыва работали в предшествующем созыве парламента. Причем среди руководства Госдумы доля персон, имеющих опыт членства в прежних созывах Госдумы, значительно выше, чем во всей совокупности. Таким образом, на руководящие в Госдуме шестого созыва чаще избирались опытные парламентарии (и довольно редко — «новички»), что также характерно и для парламентов США и многих стран Европы (Polsby, Gallaher, Rundquist 1969; Hinckley 1969; Frankland 1977: 143–145; Gallagher 1985: 387; Shabad, Slomczynski 2002: 354), в отличие от legislatures ряда других государств, например, Литвы и Эстонии (Crowther, Matonyte 2007: 295).

Тем не менее, в целом, уровень преемственности российской парламентской элиты существенно ниже, а обновление депутатского корпуса выше, чем в странах Запада. В этом смысле, Россия похожа на другие постсоциалистические страны Восточной Европы, для которых характерна относительно высокая сменяемость депутатов (Ilonszki, Edinger 2007: 155–157, 160; Kuklys 2013: 167; Crowther, Matonyte 2007: 291–292). Вообще, как пишет Р. Патнэм, по мере старения института, сменяемость элиты падает, поэтому, при относительно новых режимах она выше, чем в старых демократиях; он также указывает, что высокая сменяемость элиты ассоциируется с периодами кризиса, а низкая — с институциональной стабильностью (Putnam 1976: 65–66). Относительно невысокий уровень преемственности и, в этом смысле, профессионализации депутатского корпуса Госдумы может быть связан с рядом факторов. На возможности переизбрания депутатов и длительность

парламентских карьер негативно влияла электоральная неустойчивость, а также, отчасти, связанная с ней нестабильность партийной системы в постсоветский период (о ее трансформации см., напр.: Гельман 2006). Одни, прежде влиятельные партии и движения (например, «Яблоко» и НДР) пришли в упадок или вовсе исчезли, другие, постоянно представленные в Госдуме (КПРФ и ЛДПР) испытывали значительные колебания в официальном уровне электоральной поддержки и численности думских фракций, в то же время в 2000-е гг. сформировались новые парламентские партии (такие, как СР) и возникла доминирующая партия (ЕР). Также воспроизводству состава парламента не способствовала и нестабильность избирательной системы: в отличие от депутатов Госдумы первых четырех созывов, парламентарии пятого и шестого созывов избирались не по смешанной, а по полностью пропорциональной системе, которая вообще, по сравнению с мажоритарной, больше благоприятствует обновлению депутатского корпуса (Matland, Studlar 2004: 101, 103–104). Кроме того, нужно добавить, что применительно к шестому созыву Госдумы тенденцию к преемственности и профессионализации депутатского корпуса могло сдерживать и рекрутирование значительной части депутатов от «партии власти» посредством Общероссийского народного фронта, когда ставка делалась на политических новичков (как показывает П. Чейсти (Chaisty 2013a: 11), среди поддержанных ОНФ депутатов ЕР бывшие парламентарии составили около 23%, а среди остальных — около 64%). Наконец, тот факт, что парламент занимает второстепенное место, в системе власти может уменьшать (несмотря даже на высокую зарплату и ряд других привилегий депутатов) его непривлекательность как места для длительной карьеры. В частности, парламентарии могут использовать свою позицию просто как трамплин для занятия более высокооплачиваемых постов в бизнесе или более влиятельных должностей в административных структурах.

Впрочем, политический опыт, не сводится только к членству в национальном парламенте и политическую профессионализацию можно рассматривать шире. Важной его разновидностью является членство в представительных органах власти более низкого, регионального и местного уровня. Зарубежные исследования показывают, что в разных странах степень распространенности такого опыта среди парламентариев различна и может объясняться рядом факторов, включая структуру партийной системы и уровень профессионализации регио-

нальных legislatures (Slolz 2003). В частности, в США, где преобладает модель «однонаправленной» (восходящей от местного уровня и уровня штатов к общенациональному уровню) законодательной карьеры, более половины членов Конгресса прежде были членами legislatures штатов (Borchert, Slolz 2011: 272). Напротив, в Канаде, где доминирует паттерн «альтернативных» политических карьер (Borchert, Slolz 2011: 273), движение персон между федеральным и провинциальными уровнями законодательной власти весьма слабое: лишь менее 10% депутатов Палаты общин имели опыт членства в провинциальных legislatures (Moncrief 1999: 175). В своем исследовании депутатского корпуса Госдумы первых пяти созывов Е. Семенова (Semanova 2011: 918) показала, что среди депутатов опыт членства в региональных legislatures не слишком распространен: его имел лишь каждый шестой депутат Госдумы (16%); по ее мнению, вследствие ослабления этих органов власти региональный парламентский опыт стал менее важным аспектом карьеры, ведущих к национальным политическим позициям. Тем не менее, нынешнее исследование Госдумы шестого созыва выявило существенно более высокую степень распространенности такого опыта среди депутатов (табл. 5).

Таблица 5

Опыт членства депутатов Госдумы в региональных и местных органах представительной власти РФ после 1993 г., в %

Группа депутатов	Региональные законодательные собрания	Местные представительные органы	Итого ¹
Фракция ЕР	26	13	34
Фракция КПрФ	45	16	49
Фракция СР	39	16	49
Фракция ЛДПР	34	15	42
Все депутаты	33	14	40

Как видим, треть депутатов были членами представительных органов регионального уровня после 1993 г. В принципе, региональные депутаты на выборах обладают, хотя и в существенно меньшей степени, многими из тех преимуществ, которые имеют действующие депутаты

¹ Цифры в этом столбце меньше суммы цифр в предыдущих столбцах, т.к. одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе.

Госдумы. В целом же, если учитывать любой постсоветский депутатский опыт на всех уровнях власти — федеральном, региональном и местном, то окажется, что более 70% депутатов Госдумы шестого созыва на момент избрания уже имели опыт работы в представительных органах.

Наконец, говоря о политическом опыте, следует упомянуть и о работе помощниками депутатов и сотрудниками аппарата представительных органов, например, референтами аппарата фракций. Близость таких персон к действующим парламентариям, которые часто являются одновременно партийными лидерами, повышает их шансы занять проходное место в партийном списке на очередных выборах. Нужно также отметить, что должность помощника депутата, сотрудника аппарата представительного органа в некоторых случаях занимают бывшие депутаты Госдумы, не сумевшие, по тем или иным причинам, переизбраться, что позволяет им даже в случае поражения на выборах не выпадать из профессиональной политики. В целом, почти четверть (23%) парламентариев шестого созыва имела соответствующий опыт, причем 7% занимали такие должности на момент избрания в шестой созыв нижней палаты парламента, а 9% — на момент первого избрания в Госдуму. Следует подчеркнуть межфракционные различия: особая значимость таких позиций как источника рекрутирования депутатов характерна для ЛДПР, где, видимо, личная лояльность руководителям фракции и партии имеет первостепенное значение в отборе депутатов. Подавляющее большинство, 65% членов фракции ЛДПР имели опыт работы на позициях, обслуживающих деятельность депутатов и представительных органов. Напротив, во фракции «Единой России» такой опыт наиболее редок (его имели всего 8% депутатов). Возможно, это связано с тем, что «партия власти» особенно тесно связана с влиятельными интересами в администрации, крупном бизнесе и социальной сфере, чьи представители часто занимают депутатские позиции, оставляя мало вакансий для выходцев из таких, сравнительно низкостатусных и бедных в плане ресурсов позиций как, например, профессиональные помощники депутатов.

Конечно, следует оговориться, что во многих случаях полномочия, как помощника депутата, так и члена регионального и местного представительного органа, осуществляются на непостоянной, неоплачиваемой основе (общественных началах) и совмещаются с занятостью за пределами политической сферы, например, в бизнесе или бюджетных учреждениях. В этом случае, даже если политический опыт

и приобретает, политика не становится основной работой и главным источником дохода. В данной связи, стоит отметить, что тот факт, что большинство депутатских позиций на региональном и местном уровне предполагают непостоянную занятость, конечно, ограничивает профессионализацию политической элиты и способствует противоположным тенденциям, прежде всего плутократизации. Однако даже если учитывать только работу на постоянной, оплачиваемой основе на таких политических позициях, как депутат представительного органа того или иного уровня, помощник депутата, сотрудник аппарата представительного органа, а также партийный деятель (хотя многие депутаты входили в руководящие органы партий, только у 1% из них на время избрания в шестой созыв партия или ее молодежная организация была основным местом работы), то окажется, что большинство (58%) нынешних парламентариев на момент избрания в шестой созыв Госдумы принадлежали к категории профессиональных политиков. Причем лидирует по этому показателю КПрФ (78%), где относительно слабо выражены такие конкурирующие с политической профессионализацией тенденции, как плутократизация и бюрократизация, а отстает — фракция «Единая Россия» (около половины депутатов).

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ЭЛИТА: ПОСТСОВЕТСКИЙ ОПЫТ РАБОТЫ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУРАХ

Одним из каналов рекрутирования депутатов Госдумы шестого созыва являются постсоветские административные структуры. Вообще, зарубежные исследования показывают, что администраторы, чиновники — важный источник рекрутирования парламентской элиты в ряде стран, что, в общем-то, неудивительно, учитывая близость политической и административной сфер (в смысле, как тесноты взаимодействия, так и определенного сходства знаний и навыков, необходимых для работы в них). Так, по данным на начало 1990-х гг., примерно треть парламентариев Японии и 20% французских депутатов вышли из среды чиновников и администраторов (Norris, Lovenduski 1995: 185). В начале 2000-х гг., в парламентах ряда стран Западной Европы высшие государственные служащие составляли, в среднем 8–9% (Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60). В ряде постсоциалистических стран, прежде всего в Чехии и Словении, опыт работы на высоких административных постах также весьма распространен среди депутатов (Semenova, Edinger,

Best 2014: 291-292). По данным Е. Семеновой, примерно 17% депутатов, избранных в парламент Украины в 2007 г., имели предшествующий правительственный опыт (Seменова 2012b: 548).

Что можно ожидать в России в плане присутствия в парламенте выходцев из административных структур, исходя из особенностей ее политической системы? Ситуация неоднозначна. Следует отметить, что Госдума играет слабую, второстепенную роль и с 2000-х гг. подконтрольна главе государства. Парламентская ответственность правительства фактически отсутствует (Зазнаев 2006: 18; Зазнаев 2007: 153–154), а его члены, в отличие от министров многих демократических стран, довольно редко имеют парламентский опыт (Тев 2016а: 123), и совмещение депутатского мандата с правительственным постом, распространенное в ряде государств с парламентской формой правления, не допускается (хотя оно и позволялось в Госдуме первого созыва). Это, с одной стороны, не способствует притоку в парламент административных кадров. Во-первых, отсутствие у высших администраторов опыта избрания в парламент и работы в нем снижает вероятность того, что после своей отставки они окажутся в депутатских креслах. Во-вторых, нетипичность рекрутирования федеральных министров из числа депутатов Госдумы, тот факт, что парламентские позиции редко служат трамплином для занятия должностей в правительстве РФ, должен, при прочих равных условиях, уменьшать их привлекательность для персон с прогрессивными амбициями (используя термин Дж. Шлезинджера (Schlesinger 1966)), включая чиновников, стремящихся достичь вершины административной иерархии. В-третьих, слабость парламента также уменьшает привлекательность депутатской карьеры для администраторов, для которых такого рода переход часто означает утрату реальной власти. Однако в то же время нужно сказать, что парламентская должность, которая, по сравнению с административным постом, требует обычно меньших затрат времени и усилий и в то же время является довольно престижной и высокооплачиваемой, может служить своего рода синекурой или запасным аэродромом для чиновников (не только федеральных, но и губернаторов, мэров и пр.), вынужденных, по тем или иным причинам, оставить свой пост. Избрание в парламент может быть для отставных чиновников, как вариантом продолжения карьеры после выхода на пенсию, так и возможностью дожидаться в удобном кресле нового назначения (пусть даже и не в федеральное правительство).

С другой стороны, нужно отметить, что контроль главы государства над Госдумой может быть и позитивно связан с притоком чиновников в парламент: рекрутирование на некоторые ключевые посты в нижней палате высокопоставленных федеральных администраторов, пользующихся его доверием, может выступать формой проявления и способом поддержания такого контроля. Кстати говоря, подобная практика распространена в региональных парламентах, ключевые посты в которых нередко занимают бывшие региональные чиновники, работавшие под непосредственным руководством губернатора (Тев 2015: 44–45). Далее бюрократизации Госдумы способствует и характер доминирующей в парламенте партии. «Единая Россия», которую нередко называют партией бюрократии, чиновничества, сильно зависит от административной власти разного уровня (Slider 2010: 262; Коргунюк, Мелешкина 2010: 123; Golosov 2011b: 636–637; Makarenko 2012: 43; Roberts 2012: 230; Sakwa 2012: 320), будучи, по сути, ее «придатком» и инструментом осуществления административного контроля над избирательным и законодательным процессом. Такой ее характер должен проявляться в относительно широком присутствии выходцев из администрации разного уровня в составе ее руководящих органов, избирательных списков и депутатских фракций. Кстати, для самой парламентской фракции доминирующей партии, постоянно взаимодействующей с правительством (как, впрочем, и для других фракций), бывшие высокопоставленные административные кадры, обладающие знанием внутренних механизмов функционирования исполнительной власти и связями в ней, являются ценным ресурсом. Наконец, приток администраторов в депутатский корпус может быть связан и с тем, что в России на региональном уровне избирательный процесс, во многом, контролируется губернаторами (Golosov 2011a; Golosov 2011b), которые заинтересованы в том, чтобы иметь «своих людей» в Госдуме. В их качестве могут выступать бывшие региональные чиновники, работавшие под непосредственным руководством главы региона и, в связи с этим, пользующиеся его особым доверием (региональные министры, заместители, а также советники и помощники губернаторов). Возможность использовать властные полномочия в политическом и избирательном процессе (в этой связи стоит сказать, что т.н. «административный ресурс» играет большую роль на выборах в России (Нисневич, Савинцева 2012)), известность в регионе и связи в элитных группах делают таких персон сильными кандидатами в Госдуму.

Каковы масштабы присутствия выходцев из администрации в депутатском корпусе Госдумы шестого созыва? Как показывает Таблица 6, почти треть депутатов, прежде всего членов фракции ЕР, имела в постсоветский период опыт работы (во многих случаях довольно продолжительный — 5 и более лет) в административных структурах разного уровня.

Таблица 6

**Опыт работы депутатов в административных структурах
в постсоветский период, в %**

Группа депутатов	Административные органы			
	Федеральные	Региональные	Местные	Итого ¹
Фракция ЕР	17	21	10	39
Фракция КППРФ	5	8	12	23
Фракция СР	7	19	3	27
Фракция ЛДПР	5	9	3	17
Все депутаты	12	17	9	32

Реже были распространены непосредственные переходы из административных структур в парламент, что, главным образом, характерно для фракции «партии власти», как показывает таблица 7.

Таблица 7

**Опыт работы депутатов в административных структурах
перед избранием в Госдуму, в %**

Группа депутатов	Работа перед первым избранием в Госдуму	Работа перед избранием в шестой созыв
	Фракция ЕР	19
Фракция КППРФ	1	0
Фракция СР	3	0
Фракция ЛДПР	3	2
Все депутаты	11	8 ³

¹ Цифры в этом столбце меньше суммы цифр в предыдущих столбцах, т.к. одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе.

² N=290, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

³ N=533, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

Наконец, нужно добавить, что примерно 5% депутатов Госдумы шестого созыва в прошлом принадлежали к федеральной административной элите (эта цифра близка к данным О.В. Гаман-Голутвиной, согласно которым доля государственных служащих высшего эшелона в парламенте шестого созыва составляла 6,4% (Гаман-Голутвина 2012: 127)). Причем среди руководства Госдумы доля таких депутатов выше и составляет 11%. В частности, в шестом созыве спикером является бывший руководитель администрации президента (кстати, председателем нижней палаты четвертого и пятого созыва также был выходец из федеральной административной элиты, занимавший пост министра внутренних дел), а одним из его первых заместителей — бывший заместитель главы правительства. Словом, командные высоты нижней палаты в большей мере заполнены выходцами из административной элиты страны, чем рядовые депутатские позиции. В этой связи, стоит также отметить, что, по данным исследования административной элиты РФ, проведенного в 2013 г., 4% ее членов имели опыт работы в составе нижней палаты парламента (Тев 2016а: 123). Так что динамические персональные переплетения между федеральной административной и политической элитами страны получили некоторое распространение.

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ КАК КАНАЛ РЕКРУТИРОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

Важным компонентом федеральной администрации являются силовые министерства и ведомства. В научной литературе и СМИ значительный интерес в 2000-е вызывала роль силовиков как бассейна рекрутирования политико-административной элиты РФ, проблема милитаризации властных групп. В частности, некоторые авторы определяли режим, установившийся при В. Путине как милитократию (Крыштановская 2002b; Kryshstanovskaya, White 2003, Крыштановская 2005: 264-284). Они отмечали массовый приток силовиков в элиту в начале правления президента В. Путина и писали, что эта тенденция рекрутирования может обуславливать, в силу особенностей профессиональной социализации силовиков в жестко-иерархической среде, усиление авторитарных тенденций в российской политике. В литературе указывалось, что силовики, даже занимая гражданские посты, могут продолжать «следовать «командно-ориентированному бюрократическому стилю» своего

предыдущего работодателя» (Renz 2006: 916), действуя в недемократическом, авторитарном духе. Некоторые аналитики предсказывали также, что приток силовиков в элиту приведет к тому, что внешняя политика России станет более агрессивной и милитаристской (Rivera, Rivera 2006: 127). Впрочем, следует сказать, что концепция «милитократии» была подвергнута значительной критике в научной литературе (Renz 2006; Rivera, Rivera 2006; Ривера, Ривера 2009; Дука 2012).

Нужно, однако, подчеркнуть, что тезис о доминировании силовиков во власти, в первую очередь, доказывался в отношении таких влиятельных структур, как Совет безопасности РФ, администрация президента и правительство России. В то же время было показано, что в нижней палате парламента, играющей слабую и второстепенную роль в системе власти, доля силовиков была относительно невелика (в 2002 г., по данным О.В. Крыштановской, она составляла 9,4% против 58,3% в Совете безопасности и 32,8% в правительстве (Крыштановская 2002b: 162). Впрочем, также указывалось, что в начале 2000-х гг. доля выходцев из силовых структур в Госдуме была существенно выше, чем в начале 1990-х гг.: например, по данным О.В. Гаман-Голутвиной, в 1993 г. они составляли 3,9%, а в 2003 — 11,06% депутатов (Гаман-Голутвина 2006b: 70). Правда, как отмечает Е. Семенова, в Думе пятого созыва доля военных значительно сократилась (Semanova 2011: 915). В международной сравнительной перспективе показательно, что, по состоянию на начало 2005 г., доля военных в парламенте РФ была в пять раз выше, чем в среднем по парламентам стран Центральной и Восточной Европы (Ponszki, Edinger 2007: 149). Кстати, примерно в тот же период в парламентах стран Западной Европы военные составляли, в среднем, не более 1% депутатов (ни в одной стране их доля не превышала 2%), причем их удельный вес в XX веке постоянно снижался (Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60, 64-65).

Таблица 8 показывает, что в шестом созыве Госдумы каждый седьмой депутат получил образование в «силовых» вузах, и каждый шестой работал, не считая службы по призыву, в силовых структурах — армии, органах госбезопасности, МВД, ФСИН и пр. (без учета гражданских служащих этих ведомств).

Надо также отметить, что по показателям милитаризации федеральная политическая элита России существенно уступает федеральной административной элите, но значительно превосходит экономическую элиту.

Таблица 8

Силовой опыт элитных групп РФ, в %

Элитная группа	Тип опыта	
	Получили образование в «силовых» вузах	Служили в силовых структурах (кроме службы по призыву)
Административная (N=575)	23	28
Экономическая (N=740)	6	7
Политическая (Госдума)	14	17

Несмотря на заметную милитаризацию высшей законодательной власти, говорить о доминировании силовиков в российском парламенте неправомерно, не только потому, что они составляют лишь меньшинство депутатов, но и по ряду других причин. Во-первых, несмотря на то, что председатель Госдумы, по неофициальным данным, служил в КГБ, доля силовиков в руководящем слое Госдумы не выше среднего показателя по всему парламенту. Во-вторых, непосредственное рекрутирование силовиков в парламент является довольно редким: не более 1% депутатов были силовиками к моменту избрания в шестой созыв Госдумы и немногим больше — ко времени первого избрания в парламент. Часть персон, имеющих силовой опыт, уволилась из этих структур в начале 1990-х гг., на волне их реформирования и сокращения, и к моменту избрания в Госдуму успела пройти достаточно длительный путь гражданской социализации в экономических, административных и прочих структурах. В-третьих, депутаты, имеющие силовой опыт, представляют собой довольно разношерстную группу в плане таких профессиональных характеристик как ведомственная принадлежность, длительность службы, должность, которую они занимали в силовых структурах на пике карьеры. В частности, с органами госбезопасности, выходцам из которых иногда приписывается гегемония в российской политике (т.н. «эфэсбэзация власти», «нео-кагэбэшное государство», «чекистократия» (Rivera, Rivera 2006: 134; The Making... 2007; Петров 2016)), служили, по имеющимся данным, не более 2–3% депутатов. Эта гетерогенность не способствует сплоченности депутатов, вышедших из силовых структур. Бывшие силовики принадлежат

к различным фракциям и, как указывается в литературе, голосуют по-разному (Гаман-Голутвина 2012: 130). Вообще же, нет достоверных свидетельств того, что силовой опыт является фактором, существенно дифференцирующим политические взгляды и законодательное поведение депутатов.

Как бы то ни было, относительно широкое, на фоне стран Европы, присутствие выходцев из силовых структур в федеральном депутатском корпусе России остается фактом, который требует объяснения. В этой связи следует упомянуть относительно высокую долю силовиков (а также работников ВПК, обслуживающих нужды армии) в населении страны. Так, например, по доле военных на 1000 населения Россия превосходит большинство стран Европы (Дзись-Войнаровский 2012). Это обстоятельство, возможно, в некоторой степени, повышает шансы на избрание силовиков в парламент, поскольку может быть выше их доля, как среди избирателей, которые могут голосовать по принципу «зеркального представительства», т.е. за себе подобных, так и (хотя и не обязательно) среди граждан, имеющих право быть избранными, потенциальных кандидатов. Далее следует сказать, что, согласно опросам, армия является одним из тех институтов, которым граждане России доверяют в наибольшей степени (Институциональное доверие 2015). В связи с этим стоит отметить также и то, что, как показывают опросы, в сознании граждан России весьма значимы ценности «порядка» (он ценится гораздо больше, чем демократия и права человека) (Большинство россиян... 2015; WV6_Results Russia... 2016), олицетворением которого могут, в определенной мере, выступать силовики. Как писала в начале 2000-х гг. О.В. Крыштановская, «общественное мнение давно склонялось к необходимости сильной рукой навести в стране порядок. В отличие от других элитных групп, чей образ граждане прочно связывали с воровством, коррупцией, демагогией, военные сохраняли репутацию честных, ответственных, политически неангажированных, исполнительных профессионалов, следующих принципу «сказано — сделано»» (Крыштановская 2002b: 159-160). Все эти особенности массового сознания также могут повышать электоральную привлекательность персон с силовым опытом, «спрос» на них среди избирателей и, в связи с этим, их шансы на выдвижение и избрание в парламент (кстати, по данным опроса 2006 г., среди групп и слоев, представителей которых граждане страны хотели бы видеть в парламенте, военные занимали восьмое место (а у сторонников — ЕР — пятое), опережая

бизнесменов и госслужащих, но отставая от врачей, учителей и рабочих (Пресс-выпуск... 2007)).

Кроме того, существенен вопрос, не прилагают ли те, кто контролирует процесс выдвижения кандидатов в Госдуму (например, администрация президента или партийное руководство), сознательные усилия по продвижению силовиков в парламент не по причине электорального спроса на них, а потому, что для правящей элиты, особенно в условиях недемократического режима, силовики, с точки зрения таких своих предполагаемых качеств, как исполнительность, дисциплинированность, авторитарные ценности, предпочтительнее в роли депутатов, чем выходцы из других профессиональных групп. Это предположение кажется сомнительным, поскольку, как уже говорилось, силовики редко непосредственно рекрутируются в парламент, не представлены более широко в руководстве Госдумы, чем среди всех депутатов, и нет систематических доказательств того, что силовой опыт существенно влияет на политические взгляды и поведение депутатов.

Впрочем, какое бы значение не имели эти обстоятельства, тот факт, что силовики редко непосредственно избираются в Госдуму, что перед вхождением в парламент большинство из них сделало более или менее длительную карьеру в бизнесе, администрации и других структурах, позволяет выдвинуть еще одно объяснение. Относительно широкое присутствие персон с силовым опытом в российском парламенте отчасти может корениться также и в реформировании и сокращении силовых структур в постсоветский период (об уменьшении численности Вооруженных сил РФ в 1990-е гг. см., напр.: Зубарев 2000), когда многие силовики сменили сферу деятельности и стали делать карьеру в других областях, например, бизнесе и администрации, которые, в свою очередь, являются важными каналами рекрутирования депутатов.

ВЫХОДЦЫ ИЗ БИЗНЕСА В ПАРЛАМЕНТЕ: ОСОБЕННОСТИ ПЛУТОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Зарубежные исследования показывают, что выходцы из бизнеса в неодинаковой степени присутствуют в парламентах различных стран. Бизнесменов сравнительно много в парламентах Великобритании и США (Norris, Lovenduski 1995: 185; Miller 1995: 58; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73–74; Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Witko,

Friedman 2008), а также ряда постсоциалистических государств Европы, например, в странах Балтии (Semenova, Edinger, Best 2014: 291). Напротив, их доля в парламентах большинства стран Западной Европы, например, Германии (Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73-74), сравнительно невелика (в среднем, по странам Западной Европы, она составляла 12% (Best 2006: 25)).

В российском парламенте бизнес систематически широко представлен, по уровню плутократизации, Госдума существенно превосходит парламенты почти всех европейских стран. Так по данным Е. Семеновой, выходцы из бизнеса составляли, в среднем, 35% депутатов первых пяти созывов Госдумы (Semenova 2011: 913). Согласно цифрам, приводимым О.В. Гаман-Голутвиной, 36% депутатов Госдумы шестого созыва рекрутированы из бизнеса и менеджмента (Гаман-Голутвина 2012: 127, 130). П. Чейсти установил, что бизнесмены составляют более трети членов фракции ЕР в Думе шестого созыва (Chaisty 2013a: 10).

По данным нынешнего исследования (как видно из таблицы 9), примерно половина депутатов имела опыт работы на ключевых должностях в экономических структурах после 1991 г.

Таблица 9

Опыт работы депутатов на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями, в %

Группа депутатов	Наличие опыта после 1991 г.	Работа	
		перед первым избранием в Госдуму	Работа перед избранием в шестой созыв
Фракция ЕР	47	31 (29) ¹	16 (16) ²
Фракция КППРФ	42	25 (23)	10 (10)
Фракция СР	63	38 (35)	27 (24)
Фракция ЛДПР	65	31 (26)	17 (17)
Все депутаты	51	31 (28)	17 (16) ³

Если же учесть также депутатов, которые в постсоветское время были крупными совладельцами фирм, то доля представителей бизнеса

¹ В этом и следующем столбцах в скобках указана доля депутатов, у которых перед избранием бизнес был основным (по данным ЦИК) местом работы.

² N=290, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

³ N=533, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

достигнет 56%. Немало в парламенте и прямых выходцев из бизнеса, причем при учете крупных совладельцев фирм, доля депутатов, тесно связанных с бизнесом на момент первого избрания в Госдуму и избрания в ее шестой созыв, возрастет, соответственно, до 41% и 34%. Из Таблицы 9 также видно, что есть определенные межфракционные различия: меньше бизнесменов во фракции КПРФ. Стоит также отметить, что, как показывает таблица 10, по уровню плутократизации политическая элита РФ, существенно превосходит административную элиту страны.

Таблица 10

Опыт работы членов федеральных элитных групп на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями в постсоветский период, в %

Элитная группа	Наличие опыта работы	Работа до занятия нынешней должности
Административная	31	6
Политическая (Госдума)	51	17

Широкое присутствие бизнеса в Госдуме, высокая степень плутократизации российского парламента могут быть обусловлены рядом факторов. Говоря о причинах заинтересованности бизнесменов в парламентском представительстве, следует, прежде всего, подчеркнуть, что процесс накопления капитала существенно зависит от государственной власти и политики. Хотя такая зависимость характерна для всех стран, она, вероятно, особенно сильно проявляется в таких странах, как Россия, где, как показывают некоторые исследования, сложился «капитализм для своих» или «кумовской капитализм», при котором политические связи, связи с государственной властью имеют первостепенное значение для успешного ведения бизнеса (Our cronycapitalism... 2014; Волкова 2016; см. также: Faccio 2006). В этом плане, депутатский мандат может быть полезен, поскольку облегчает доступ к чиновникам и другим влиятельным лицам и дает возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах фирмы, отрасли, бизнеса в целом. Вообще, ряд исследований эмпирически подтверждают, что выходцы из бизнеса склонны использовать мандат в своих деловых интересах (Chaisty 2013b; Witko, Friedman 2008). Стоит отметить, что не только связи с политиками и чиновниками, приобретенные в период депутатства, но и знание политического процесса, получен-

ное в процессе работы в парламенте, может быть полезно для бизнесменов с точки зрения продвижения своих интересов в органах государственной власти. Однако интерес бизнеса к членству в парламенте не сводится к материальной, лоббистской составляющей. Для бизнесменов может также быть важна и неприкосновенность, которой пользуются депутаты Госдумы, особенно, учитывая тот факт, что накопление капитала в постсоветский период часто осуществлялось с нарушением законов. Кроме того, для капиталистов могут быть значимы статус, престиж, связанный с должностью депутата Госдумы, а также мотивы самореализации в политической сфере. Наконец, неудачи в бизнесе могут мотивировать капиталистов к переходу в профессиональную политику, к избранию в Госдуму, тем более что зарплата депутата довольно высока.

Тем не менее, не стоит преувеличивать мотивацию бизнесменов, особенно крупных предпринимателей и топ-менеджеров ведущих фирм, избираться в Госдуму. Российский парламент, в целом, является слабым, маловлиятельным органом, занимающим второстепенное место в политической системе страны. В этом смысле, руководители крупных компаний, которые часто имеют прямой доступ к исполнительной власти, могут не проявлять существенно интереса к депутатскому мандату. Кроме того, многие бизнесмены вообще сторонятся публичности, исходя из принципа «деньги любят тишину». Вообще, для того, чтобы иметь представительство в парламенте, бизнесменам не обязательно самим избираться депутатами: они могут финансировать кампании других парламентариев или просто подкупать их. Впрочем, всегда есть опасность измены таких ставленников, когда они отказываются, в силу разных причин, от выполнения своих обязательств, поэтому стратегия личного присутствия в парламенте может быть более надежной. Наконец, важно учитывать институциональный дизайн федерального парламента: по закону, статус депутата Госдумы предполагает работу на постоянной профессиональной основе и несовместим с членством в органах управления компаниями. Однако высшим менеджерам крупных фирм такая смена деятельности, такой переход, как правило, невыгоден, поскольку может означать потерю, как контроля над капиталом, так и значительной части доходов. В этом, кстати, отличие Госдумы от большинства региональных парламентов, в которых значительная или даже подавляющая часть депутатов могут работать на непрофессиональной основе, совмещая законотворчество с бизнесом.

Важнейшим ресурсом, который капиталисты могут использовать для успешной избирательной кампании, как в одномандатных округах, так и по партийным спискам, являются финансовые средства. От доступа к ним, несмотря на государственное финансирование, существенно зависят политические партии (Wilson 2007; Коргунюк 2010; Шлейнов 2010; Hutcheson 2012). Так, например, в 2011 г., когда проводились выборы в Госдуму, пожертвования (прежде всего, юридических лиц) составили основную часть денежных средств, поступивших на осуществление уставной деятельности у всех четырех думских партий (см.: Сводный финансовый отчет... «Единая Россия» 2011; Сводный финансовый отчет... КПРФ 2011; Сводный финансовый отчет... ЛДПР 2011; Сводный финансовый отчет... Справедливая Россия 2011). Говоря о политических ресурсах бизнесменов, не следует забывать и о средствах массовой информации, которыми они нередко владеют. Также важно отметить, что под властью бизнесменов находятся более или менее многочисленные трудовые коллективы, и зависимость на рабочем месте является благоприятным условием для оказания политического влияния со стороны работодателя (агитация на предприятии, организованный подвоз рабочих на избирательные участки и пр.) (см.: Golosov 2013: 477). Также главы крупнейших фирм, являющихся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах (а также иногда имеющих на своем балансе крупные учреждения социальной сферы), обладают значительной структурной властью. Зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких фирм облегчает их руководству представление своих частных интересов как всеобщих, что является важной предпосылкой успешной предвыборной агитации. В то же время находящиеся в многообразной зависимости от капитала региональные и местные власти могут оказывать административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Какой именно бизнес, в плане размера, формы собственности и отраслевой принадлежности, представлен в Госдуме шестого созыва? При ответе на вопрос о размере бизнеса, важно прояснить, каковы масштабы присутствия крупного по общероссийским меркам капитала в ГД, насколько распространены переплетения экономической и политической элиты России. Прежде всего, нужно отметить, что связь с крупным капиталом может определяться по-разному. В данном исследовании, под его представителями понимались, во-первых, персоны, которые на момент их избрания в Госдуму шестого созыва занимали

высшие руководящие должности в компаниях, входивших в список крупнейших по версии журнала «Эксперт», или контролируемых ими фирмах, а также в бизнес-структурах, которые были крупными акционерами таких компаний. Во-вторых, персоны, которые на момент избрания или во время работы в Госдуме шестого созыва являлись крупными совладельцами фирм, входящих в тот же рейтинг. В-третьих, депутаты, входившие в список богатейших бизнесменов по версии Forbes в 2011-2016 гг., то есть перед избранием или в период работы в Госдуме шестого созыва. В общей, сложности таким критериям удовлетворяют примерно 4% депутатов. Почти все они сосредоточены во фракции ЕР и только один принадлежит к фракции «Справедливой России». Важно отметить, что переходы с ключевых должностей в крупнейших фирмах или контролирующих их холдингах в Госдуму шестого созыва очень редки (таких случаев только два), и ограничиваются теми топ-менеджерами, которые принадлежат к семьям, владеющим соответствующими структурами и, поэтому, могут, вероятно, с легкостью вернуться на прежние позиции в случае ухода из Госдумы. Чаще будущие депутаты Госдумы занимали ключевые позиции не в самих крупнейших компаниях, а на предприятиях, в которых такие компании (например, холдинг «Россети», «Газпром», «Татнефть», «КАМАЗ», «Глобэкс-банк») являются контролирующими акционерами. В принципе, указанный список депутатов, тесно связанных с крупным капиталом, можно расширить за счет персон, которые на момент избрания в Госдуму являлись не высшими, а средними менеджерами, а также специалистами или советниками руководства указанных выше экономических структур (примерно 1% депутатов). Также можно включить в число представителей крупного капитала, лиц, которые не входят в указанные выше категории, но имеют родственников, владеющих крупнейшими фирмами по версии журнала «Эксперт» и/или входят в рейтинг Forbes. При таком, довольно широком толковании представителей крупного капитала к ним относятся примерно 6% депутатов, причем только часть из них на момент избрания или во время работы в Госдуме шестого созыва входила в состав экономической элиты общероссийского уровня (около 3% депутатов). В связи с этим, нужно отметить, что по данным исследования экономической элиты РФ, проведенного в 2014 г., 3% ее членов имели опыт членства в Государственной Думе (Тев 2016b: 98). Так что персональные переплетения экономической и политической элит РФ имеют место, но не велики. В этой связи

стоит сказать, что П. Чейсти выявил тенденцию снижения представительства наиболее могущественных (олигархических) экономических интересов, связанных с финансовой, энергетической и добывающей отраслями, в Госдуме по мере ужесточения контроля исполнительной власти над возможностями парламентского лоббирования (Chaisty 2013b: 733).

Какой бизнес представлен в Госдуме с точки зрения формы собственности? Среди депутатов немного прямых выходцев с ключевых должностей на предприятиях, в которых государство или органы муниципальной власти — крупнейший или единственный владелец, в основном, в Госдуме присутствуют выходцы из частного сектора.

Наконец, важен вопрос и о том, какой бизнес представлен в Госдуме в отраслевом разрезе. Обстоятельный анализ отраслевой структуры бизнеса, присутствующего в Госдуме первых пяти созывов, а также во фракции ЕР в Госдуме шестого созыва, был проведен П. Чейсти (Chaisty 2013a; Chaisty 2013b). Им, в частности, было установлено, что в Думах последних нескольких созывов наибольшую долю депутатов составляет обрабатывающая промышленность; доля депутатов, связанных с сельским хозяйством, существенна, но сокращается, тогда как выходцев из строительного и торгового секторов становится больше (Chaisty 2013a: 10; Chaisty 2013b: 724). В данном исследовании не ставилась задача такого же исчерпывающего статистического анализа отраслевых связей парламентариев-бизнесменов. Кроме того, определить отраслевую принадлежность депутатского бизнеса не всегда просто: не только потому, что по многим фирмам нет достоверных сведений, но и поскольку некоторые депутаты на момент избрания имели более или менее значительные коммерческие интересы сразу в нескольких отраслях, в частности, владея многопрофильными холдингами. Тем не менее, можно сделать некоторые замечания относительно отраслевой принадлежности тех компаний, в которых депутаты на момент избрания в шестой созыв занимали ключевые посты или, по данным, опубликованным накануне выборов 2011 г. (а также по некоторым более поздним данным), являлись крупными совладельцами. В частности, заметны межфракционные различия. Во фракции «партии власти», по сравнению с другими фракциями, гораздо более широко представлена промышленность: пищевая, машиностроительная, металлургическая и добывающая. В то же время немало ее депутатов связаны с таким экономическим сектором, как строительство, девелопмент и недвижи-

мость. В свою очередь, этот сектор, активно присутствующий во многих местных и региональных парламентах (Тев 2012: 69; Тев 2013: 86–87) и сильно зависимый от властей (в плане доступа к земельным участкам, государственным и муниципальным подрядам, благоприятного режима градостроительного регулирования) является одним из наиболее широко представленных в думских фракциях партий «второго эшелона» — ЛДПР, СР и КПРФ (правда, если в одних случаях фирмы, относящиеся к нему, составляют основу бизнеса депутатов, то в других — лишь одну из его составляющих, нередко второстепенную).

ЮРИСТЫ В СОСТАВЕ ПАРЛАМЕНТА

Одну из профессиональных групп, выходцы из которых сверхпредставлены в парламентах многих стран по отношению к своей доле в занятом населении, составляют юристы. Как отмечает М. Доган, «юрист является одной из наиболее привычных фигур на законодательном форуме, поскольку юридическая профессия, кажется, располагает людей к политической карьере» (Dogan 2003: 38). Это проявляется в ряде отношений, которые описаны в литературе (Schlesinger 1957: 27; Gold 1961: 84; Podmore 1977: 165-185; Miller 1995; Dogan 2003: 38-39). Во-первых, она формирует знания, умения и навыки, полезные в политической деятельности (как во время избирательных кампаний, так и период пребывания в должности депутата) и являющиеся преимуществами в политической борьбе. Среди них привычка выступать на публике, умение аргументировать свою позицию, вести переговоры, посредничать между сторонами конфликта, знание нормативно-правовой базы. Во-вторых, профессия юриста предполагает обычно довольно гибкий рабочий график, оставляя свободное время для занятия политической деятельностью. Более того, что касается стабильных обществ, то поскольку законодательство в них меняется сравнительно медленно, юристы могут временно оставить свою работу, уйдя в политику, а затем сравнительно безболезненно вернуться к ней: их знания не устареют. В-третьих, политическая деятельность выгодна для юридической практики, поскольку дает возможность юристам рекламировать себя, повышать узнаваемость своего имени, налаживать разнообразные связи, способствующие привлечению клиентов.

Доминирование юристов характерно, прежде всего, для Конгресса США (Derge 1962: 19; Green, Schmidhauser, Berg, Brady 1973: 440; Podmore 1977: 163–164), где их доля в 1995 г. составляла 42%, правда, при постепенной тенденции к снижению (Miller 1995: 59–60). Юристов даже называют «верховными жрецами» (high priests) американской политики (Ruchelman 1966: 484; Miller 1995). Вообще, для США характерна политическая культура, которая предпочитает оценивать политические результаты на основе легальных стандартов, и, поэтому, юридическая профессия считается легитимным источником политического руководства (Miller 1995: 65).

В парламентах стран Западной Европы доля практикующих юристов значительно меньше, но все же выше их доли в занятом населении: в среднем, около 7% в 2000-е гг. (Cotta, Verzichelli 2007: 427). Как пишут зарубежные авторы, исторически, в XIX веке, юристов в парламентах европейских стран было гораздо больше (почти одна пятая депутатов в конце XIX века (Cotta, Verzichelli 2007: 427)), но имела место долговременная тенденция к падению их доли, как и доли лиц с юридическим образованием, которые некогда преобладали среди депутатов, окончивших университет (Gaxie, Godmer 2007: 119–121). Она связана с рядом факторов. В частности, с изменением типа государственного вмешательства в общественные отношения. Отмечается, что «государства всегда вмешивались в дела гражданского общества посредством права», но в XX веке распространились новые типы регулирования (например, экономическое и социальное), а, следовательно, от парламентариев потребовались новые типы и умений (Gaxie, Godmer 2007: 123). В связи с этим возрос спрос на депутатов — специалистов в области экономики, социальных и гуманитарных наук. Кроме того, падение доли юристов в парламентах связано с процессом профессионализации политической жизни и знаменует собой изменение модели политического представительства и типа представителя. В прошлом «юридическая профессия, несомненно, играла роль, способствующую прото-профессионализации политики: юристы обладали некоторыми умениями, которые помогали им играть представительную роль в эпоху слабых партийных организаций, и гибкость их рабочего графика делала их доступными, когда политика была неполной занятостью.... Но развитие более специфической организации политики и трансформация представительной работы в занятие на полный рабочий день произвели новый тип специалистов и гораздо больший спрос на время политиков:

в этой ситуации свободные профессионалы, такие как юристы, едва ли могли конкурировать с организационными профессионалами, произведенными массовыми партиями и профсоюзами» (Cotta, Verzichelli 2007: 428).

Что касается России, то доля юристов в парламенте страны невелика, как, кстати, и в legislatures ряда других постсоветских и постсоциалистических государств Европы (Semenova, Edinger, Best 2014: 290), например, в странах Балтии она составляет 1–3% (Kuklys 2013: 66, 84–86). Так, по данным О.В. Гаман-Голутвиной, в 1993 г. юристы составляли 4,3%, а в 2003 г. — только 1,8% депутатского корпуса Госдумы (Гаман-Голутвина 2012: 129). Нынешнее исследование показало, что доля депутатов Госдумы шестого созыва, имевших адвокатский опыт, всего 2% (тем не менее, доля адвокатов среди населения в 2009 г. была всего 0,04% (Государственная программа... 2011), так что и в российском парламенте они представлены все же непропорционально широко). Если к ним прибавить тех парламентариев, которые некогда работали юристами в различных организациях, были помощниками адвокатов, а также руководили юридическими фирмами, то доля юристов составит порядка 4%, причем не более 1,5% депутатов были ими на момент первого избрания в Госдуму (кроме того, около 3% депутатов имели опыт работы судьями или в прокуратуре).

Сравнительно небольшое присутствие юристов в Госдуме, в целом, неудивительно. В России, по сравнению с западными обществами, особенно США, вообще роль права в общественной и политической жизни, довольно слаба, что, отчасти, является наследием советской, социалистической эпохи. Так, в 2012 г., по Индексу верховенства закона, РФ заняла последнее место в своей экономической группе («доходы выше среднего») (Волкова 2012). Соответственно, можно предположить, что и роль в политике и обществе носителей правовых знаний — юристов — должна быть относительно скромной. Кроме того, понятно, что сдвиги в политической элите не всегда происходят одновременно с изменением социально-исторического контекста, в котором она формируется, и ее состав может, в определенной мере, отражать особенности прежних эпох. В этом смысле, важно отметить, что периоду возникновения и функционирования современного российского парламентаризма предшествовала социалистическая эпоха, а не те ранние этапы эволюции буржуазного государства с характерными для них формами государственного вмешательства и политического представительства,

о которых пишут зарубежные исследователи применительно к Западной Европе, и которые в прошлом обусловили высокую долю юристов в парламентах, в дальнейшем постепенно сокращавшуюся.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ И ДРУГИЕ РАБОТНИКИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Кроме юристов, еще одной профессиональной группой, которая сверхпредставлена в парламентах многих стран, являются учителя и преподаватели. В частности, это касается legislatures стран Западной Европы, бурный рост присутствия преподавателей в которых пришелся на вторую половину XX века. Их доля, составлявшая до первой мировой войны менее 8%, поднялась в 1980-1990-е гг. примерно до 18%, но затем несколько снизилась и в 2000-е гг. составляла, в среднем, более 15% депутатов (Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60).

В зарубежных исследованиях проанализированы причины сверхпредставленности выходцев из этой профессиональной группы в депутатском корпусе. Профессия преподавателя обеспечивает ряд ресурсов и возможностей, важных для успешной политической карьеры. Согласно Э. Кингу, учительство и чтение лекций в колледжах и университетах являются, одной из «профессий, содействующих политике» (politics-facilitating). Как пишет он, суммируя политические преимущества таких профессий, они «предлагают широкий ряд контактов, гибкие паттерны работы, длинные выходные, большие возможности для отпуска и шанс практиковать политически-релевантные умения такие, как письмо и публичное выступление. Более того, для людей этих профессий политика считается подходящей активностью, а не той, которая противоречит профессиональным нормам» (King 1981: 261).

На некоторых политически релевантных преимуществах профессиональной группы учителей и преподавателей стоит остановиться подробнее. Во-первых, гибкий график работы и продолжительные выходные и отпуска дают им свободное время, необходимое для занятия политической деятельностью. Другим преимуществом учителей и преподавателей как одного из сегментов т.н. «болтающего класса» являются коммуникативные способности или дискурсивные навыки. В литературе указывается, что «роль политика, в электоральном процессе так же, как и в выборной должности, требует существенных коммуника-

тивных умений, которые, по крайней мере, отчасти, можно приобрести в процессе подготовки и работы в частной профессии» (Eulau, Koff 1962: 507). Как пишет М. Доган «при демократических режимах политическая жизнь, главным образом, составлена из письменных и произнесенных слов. Следовательно, неудивительно, видеть, что так много политиков рекрутируется среди профессий, которые знают, как создавать слова» (Dogan 2003: 41). Далее важно отметить, что политическая карьера является весьма рискованным предприятием, поэтому преимущество имеют представители тех профессий, в частности, работающие в публичном секторе стран Западной Европы учителя и преподаватели, которые пользуются надежными гарантиями занятости и могут относительно легко вернуться к своей прежней работе в случае поражения на выборах. Вообще, в отличие от многих других профессий вузовская профессура вправе совмещать свою работу с парламентской деятельностью. Наконец, важность учителей и преподавателей как бассейна рекрутирования парламентариев Западной Европы может также отражать востребованность в парламенте, в условиях «социального государства», деятелей, компетентных в различных областях (экономике, социальных науках и пр.) (Gaxie, Godmer 2007: 128).

Надо сказать, что важность учителей и преподавателей как бассейна рекрутирования парламентариев не является специфически западноевропейским феноменом. Как показывают исследования, они были наиболее широко представленной профессиональной группой в первых демократически избранных парламентах постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы (включая страны Балтии), где их доля достигала 22% депутатов. Однако затем она существенно, более чем на треть, сократилась, тем не менее, выходцев из нее по-прежнему немало — почти каждый седьмой депутат (Pionszki, Edinger 2007: 147–148). Отмечается, что «этот спад может быть истолкован как результат меняющихся требований различных этапов посткоммунистической трансформации. Начальная фаза радикальных перемен в Восточной Европе характеризуется символической политикой и доминированием мечтателей и политиков морали.... Учителя и преподаватели лучше всего подходят для этой стадии политического развития. ... Подобно Центральной Европе, где в 1989 г. «интеллектуалы были на переднем крае демократического перехода» ..., интеллектуалы в балтийских республиках играли основную роль, иницируя социальные движения, предлагая политические программы и основывая политические пар-

тии» (Kuklys 2013: 68). Затем, по мере перехода к последующим этапам трансформации (которые выделены в работе Я. Василевского (Wasilewski 2001) и, соответственно, изменений требований к характеристикам и составу политической элиты, присутствие преподавателей в парламенте снижается.

В России, как показывают, исследования, доля преподавателей в постсоветских парламентах была сравнительно невелика, меньше, чем в странах Восточной и Центральной Европы, кроме Чехии (Semenova, Edinger, Best 2014: 291). Так, по данным Е. Семеновой, в среднем 8% депутатов Госдумы первых пяти созывов были выходцами из этой категории (Semenova 2011: 914). Близкие цифры приводит по Думам пятого и шестого созыва О.В. Гаман-Голутвина: в них, соответственно, 5,8% и 7% депутатов были представителями этой профессиональной группы (Гаман-Голутвина 2012: 128). По данным нынешнего исследования, хотя существенная доля депутатов имела опыт преподавательской, педагогической деятельности на том или ином этапе своей карьеры, у многих он относится к ранним годам трудовой деятельности и не является определяющим в карьере. Вообще, только у 10% парламентариев перед их первым избранием в Госдуму основное, по данным ЦИК, место работы было в сфере образования и науки. Причем 3% принадлежали к высшему руководству учебных заведений — директора, ректоры, проректоры, которые, конечно, могли совмещать свои функции с преподаванием, еще 3%, по своей основной работе, были учителями школ или относились к профессорско-преподавательскому составу вузов, а около 2% занимали различные должности в научных институтах. Перед избранием в шестой созыв, у 4% депутатов основное место работы было в научно-образовательной сфере: 2% входили в топ-менеджмент учебных заведений и 1%, не занимая высших должностей в них, работали учителями школ или входили в профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений. В частности, два депутата во фракции «партии власти» работали простыми учителями на момент избрания в нынешний созыв — немного, если учесть, что школьные учителя (наряду с врачами, тоже представленными в парламенте) обладают значительным социальным капиталом, являясь одной из тех профессий, к которым российское общество испытывает наибольшее уважение и доверие (Самые уважаемые... 2012).

Можно выделить ряд факторов, способных негативно влиять на присутствие учителей и преподавателей в российском парламенте.

Во-первых, думается, что в нынешней России роль дискурсивных умений или коммуникативных навыков в политическом процессе относительно невелика, сильно уступая значению административных рычагов и финансовых ресурсов. Соответственно, политические преимущества имеют не столько «профессиональные болтуны» (в частности, преподаватели), сколько чиновники и бизнесмены. В условиях существующей в стране авторитарной политической системы возможности политической агитации и дискуссии в период избирательных компаний сильно ограничены даже на формально-юридическом уровне. Так, в соответствии с поправками, внесенными в 2006 г. в Федеральный закон о гарантиях избирательных прав граждан, кандидаты и избирательные объединения не вправе использовать эфирное время на телевидении в целях распространения призывов голосовать против кандидатов, «описания возможных негативных последствий в случае, если тот или иной кандидат будет избран», «распространения информации, в которой явно преобладают сведения о каком-либо кандидате, ... избирательном объединении в сочетании с негативными комментариями», а также информации, «способствующей созданию отрицательного отношения избирателей к кандидату, избирательному объединению, выдвинутому кандидата, список кандидатов» (Федеральный закон 2016). В этой связи, следует упомянуть и ряд других законодательных актов, ограничивающих возможность общественных дискуссий: возвращение в 2012 г. уголовного наказания за клевету, принятые в 2013 г. поправки об ужесточении ответственности за «оскорбление чувств верующих» (Мониторинг... 2016). Кроме того, нужно сказать, что влияние коммуникативных умений и связанной с ним способности убеждать избирателей на шансы прохождения в парламент ограничивается и тем фактом, что выборы носят несвободный и нечестный характер, что избиратели широко подвергаются административным методам воздействия, а официальные результаты выборов лишь отчасти отражают реальное волеизъявление электората. Также востребованность среди депутатов персон, обладающих «дискурсивными умениями», ораторским искусством, снижает и сам характер нынешнего российского парламентаризма. Госдума, которая, по словам ее бывшего спикера Б. Грызлова, не должна быть площадкой для политических баталий (дискуссий), действительно, во многом, напоминает машину для быстрой, не предполагающей длительных обсуждений и согласований штамповки законопроект, инициированных административной властью, контро-

лирующей парламент (см.: Шульман 2014). Наконец, нужно учитывать и характер избирательной системы: при полностью пропорциональной системе, по которой проводились выборы в Госдуму пятого и шестого созывов, когда избиратели голосовали за партийные списки, роль в избирательной борьбе коммуникативных умений и вообще личных качеств кандидатов, при прочих равных условиях, должна быть слабее по сравнению с выборами по одномандатным округам.

Во-вторых, следует отметить, что в Западной Европе учителя школ и преподаватели вузов особенно широко представлены во фракциях исторически тесно связанных с рабочим движением и носивших массовый характер левореформистских, социал-демократических партий [Best, Cromwell, Hausmann, Rush, 2001, p. 77-78]. В современной России такие партии, по существу, отсутствуют.

В-третьих, как уже говорилось, значительное, хотя и ослабевающее, присутствие учителей и преподавателей вузов в парламентах стран Восточной Европы, отчасти, является наследием начального периода постсоциалистической трансформации, когда интеллигенция играла решающую роль. В России, интеллигенция в советское время находилась под гораздо более сильным идеологическим контролем, и ее роль в преобразованиях конца 1980-х — начала 1990-х гг., хотя и весьма заметная, была все же слабее, чем в ряде восточно-европейских стран и бывших советских республик (в частности, в странах Балтии), что, вероятно, нашло отражение и в составе постсоветской элиты.

В-четвертых, возможно, что спрос на высококвалифицированных специалистов, обладающих профессиональными знаниями в тех или иных областях, в частности, из рядов университетской профессуры, в российском парламенте сравнительно невелик, поскольку его роль в управлении государством и обществом (и в частности, как канала рекрутирования правительственной элиты) довольно слаба, второстепенна, во многом, декоративна. Хотя надо подчеркнуть, что и среди высокопоставленных администраторов прямых выходцев из сферы образования и науки немного.

Наконец, надо учитывать и то, что, в сравнении с Западной Европой (особенно периода 1970-80-х гг.), в России преподаватели являются в экономическом отношении гораздо менее преуспевающей группой, в меньшей степени обладают рядом ресурсов, важных для политической карьеры. Прежде всего, в постсоветской России многие из них в материальном отношении принадлежат к малообеспеченным слоям

(показательно, что по итогам первого полугодия 2011 г., зарплата в сфере образования была на треть ниже средней по стране ((Башкатова 2011)). При этом учебная нагрузка преподавателей довольно велика, а гарантии их занятости в условиях авторитарных порядков и неолиберальных реформ в области образования ненадежны.

Нужно в заключении отметить, что по сравнению с обычными преподавателями гораздо больше шансов пройти в федеральный парламент имеет высшее руководство учебных заведений, прежде всего, ректоры и проректоры вузов (кстати, сходная ситуация с медиками: хотя ряд депутатов перед избранием входили в высшее руководство медицинских учреждений, ни один не был рядовым врачом). Это неудивительно, учитывая, что такие персоны контролируют значительные финансовые ресурсы, а также обладают существенным административным потенциалом, возглавляя большие коллективы преподавателей, с помощью которых можно мобилизовать в свою поддержку более широкий круг избирателей — студентов и даже членов их семей (Медведев 2010: 80). Кроме того, как пишет Ю.С. Медведев, существует «традиционная, восходящая еще к советской эпохе установка региональных элит на включение соответствующих позиций в состав представительных органов власти» (Медведев 2010: 79-80). В силу этих преимуществ ректоры вузов являются одной из самых успешных профессиональных групп на выборах в парламенты субъектов РФ (Медведев 2010: 79-80), а, между тем, должность регионального депутата важна в качестве трамплина для попадания в федеральный парламент. Впрочем, не следует переоценивать их заинтересованность в переходе на профессиональную депутатскую работу в Госдуму, который, по крайней мере, для ректоров ведущих вузов чреват утратой части доходов (о размере доходов высшего руководства вузов см.: Доходы в образовании...2014; Национальный рейтинг... 2015) и власти, в отличие от членства в региональном парламенте на непостоянной основе, дающего возможность, не покидая руководящих позиций в вузах, отстаивать интересы своих учреждений в органах власти.

РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ПОСТАВЩИК ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА

Одна из общих и основополагающих характеристик парламентов, формируемых в капиталистических обществах, состоит в том, что их состав не соответствует концепции т.н. «демографического» (Norris,

Lovenduski 1995: 94-95) или «зеркального» представительства, слабо отражая социально-профессиональную структуру населения (в гораздо большей мере ей отвечает состав законодательных органов социалистических государств). Это проявляется в том, что парламентарии непропорционально широко рекрутируются из высокостатусных групп общества (Gallagher 1985: 375) и, напротив, доступ в депутатский корпус членов низших классов, прежде всего рабочего класса, составляющих значительную часть избирателей, крайне ограничен.

Эта тенденция, в общем, неудивительна, и, в значительной мере, связана с тем, что рабочие и вообще члены низших классов слабо обеспечены ресурсами и преимуществами, важными с точки зрения политической, парламентской карьеры, например, такими как финансовые средства, культурный капитал (включая коммуникативные умения), свободное время, необходимое для занятия политической деятельностью, организационные навыки, политический опыт (вообще, исследования показывают, что представители таких классов обычно менее активно участвуют в политической жизни, чем члены более высокостатусных групп (Alford, Friedland 1975: 434-435)). Исторически, однако, эта ситуация отчасти исправлялась посредством коллективного действия рабочих, за счет их организации в профсоюзы и массовые партии, что позволяло им консолидировать свои скудные индивидуальные ресурсы и более успешно участвовать в политической жизни. Массовые левые партии, тесно связанные с рабочим движением, в определенной степени служили социальными и политическими лифтами для представителей рабочего класса. В некоторых из тех стран, где такие партии были электорально успешны, присутствие рабочих в парламенте временами было значительным: например, в Великобритании в 1940-е гг. они составляли более четверти депутатов (Cotta, Verzichelli 2007: 431), почти полностью концентрируясь во фракции Лейбористской партии (Norris, Lovenduski 1995: 97). Если говорить о средних для стран Европы показателях, то пик представительства рабочих в парламентах пришелся на 1940-е гг., когда их доля была близка к 9% (Cotta, Verzichelli 2007: 431). Для сравнения, в Конгрессе США, где не было электорально успешных левых партий, она в течение XX века не поднималась выше 2% (Carnes 2012: 6-7).

Однако если опять же судить по средним для европейских стран цифрам, то примерно с середины XX века существует тенденция сокращения доли выходцев из рабочего класса среди парламентариев

(Cotta, Verzichelli 2007: 431). Отчасти она, вероятно, отражает значительное уменьшение доли «синих воротничков» в населении и электорате по мере развития постиндустриальной экономики. Но, как указывают исследователи, в Европе исчезновение рабочих среди парламентариев было связано с исчезновением среди них лиц с низким уровнем образования (Gaxie, Godmer 2007: 133). Обладание значительным культурным капиталом, засвидетельствованным университетским дипломом, превратилась в необходимое, хотя и негласное, условие парламентской карьеры. Как отмечают авторы, «высокий уровень образования парламентариев ... стал неофициальной политической нормой и составной частью парламентского статуса. В наше время, депутаты с низким уровнем образования часто кажутся странными для своих коллег или журналистов, склонных подчеркивать эту особенность» (Gaxie, Godmer 2007: 115). Прежде всего, этот сдвиг был заметен в социал-демократических партиях. По мере того, как эти партии становились правящими, они все более нуждались в парламентариях с высоким уровнем образования, достаточно компетентных для того, чтобы занимать правительственные посты, вести дискуссии с высшей бюрократией, обсуждать технические вопросы политики в парламенте, СМИ и на международной арене (Gaxie, Godmer 2007: 129). Соответственно, акцент все больше делался на рекрутировании специалистов, способных управлять современным интервенционистским государством, прежде всего, преподавателей, которые в левых фракциях вытесняли парламентариев-рабочих, имеющих сравнительно низкий уровень образования. В итоге, в 2000-е гг. присутствие рабочих в парламентах Западной Европы было едва заметным: в среднем, доля их составляла порядка 3%, хотя в таких странах, как Великобритания и Норвегия она была существенно выше (Cotta, Verzichelli 2007: 431), причем, главным образом, они концентрируются в левых фракциях (больше всего их процент среди коммунистов (Ilonszki 2007: 303)). В постсоциалистических странах Европы (в частности, в странах Балтии), где диплом о высшем образовании даже в большей степени, чем в Западной Европе, является необходимым условием занятия парламентской позиции, рабочие почти не представлены в парламентах (Semenova, Edinger, Best 2014: 288; Kuklys 2013: 66), что контрастирует с их широким присутствием в представительных органах социалистической эпохи, которые формировались по номенклатурно-квотному принципу.

Какова ситуация в РФ? Нужно отметить, что, по сравнению со многими демократическими странами, в нынешней России парламент является маловлиятельным органом, играющим второстепенную роль в качестве канала рекрутирования правительственных чиновников. Между тем, как пишут зарубежные исследователи, «чем выше полномочия и статус, связанные с данной социальной или политической позицией, тем сильнее конкуренция за ее достижение. И чем жестче социальная или политическая конкуренция, чем больше количество ресурсов, которые конкуренты должны инвестировать в конкуренцию. Относительное падение статуса парламентов и парламентских позиций оказывает нисходящее влияние на социальное и профессиональное происхождение и на культурный «уровень» парламентариев» (Gaxie, Godmer 2007: 115). В принципе, слабость российской легислатуры могла бы способствовать тому, чтобы социально-профессиональный бассейн рекрутирования депутатов был относительно широким и демократичным (Верховный совет СССР, кстати, своеобразно подтверждал эту тенденцию). Но, помимо властных возможностей, позиция депутата имеет и ряд других важных характеристик, в частности, размер зарплаты, которая является весьма высокой по российским меркам, во много раз превышая среднюю по стране (а разрыв между депутатской зарплатой и ВВП на душу населения больше, чем в развитых странах) (Матвеева, Ермаков 2013; Rewarding work 2013), что, конечно, делает мандат привлекательным и, вероятно, обостряя конкуренцию за его получение, препятствует «демократизации» бассейна рекрутирования парламентариев. И в реальности мы видим, что за парламентские позиции в России ведется острая борьба между персонами, занимающими ключевые позиции в разных организациях, прежде всего, экономических структурах. Кроме того, конечно, следует сказать, что в постсоветской России отсутствует такая движущая сила подобной «демократизации», как электорально успешные массовые рабочие партии, которые, как уже отмечалось, на Западе некогда служили социально-политическими лифтами для рабочих и вообще членов подчиненных классов. В итоге, неудивительно, что присутствие рабочих в нижней палате Федерального собрания, как показывают исследования, едва заметно: по данным, О.В. Гаман-Голутвиной, в Думах последних трех созывов их доля составляла менее 1% (Гаман-Голутвина 2012: 128). В Госдуме шестого созыва, по данным нынешнего исследования, примерно 1% депутатов

были рабочими непосредственно перед, как своим первым избранием в нижнюю палату, так и избранием в ее шестой созыв. Фактическая исключенность представителей рабочего класса из состава политической элиты тесно связана с ролью высшего образования как необходимого условия занятия парламентской позиции: около 98% депутатов имели соответствующий диплом ко времени избрания в Госдуму шестого созыва.

Говоря о присутствии рабочих в различных фракциях, нужно подчеркнуть, что почти все они (как и, кстати, большинство профсоюзных функционеров) концентрируются во фракции «Единой России», составляя 1–2% ее членов. В основном, они, как и другие «люди из народа», были рекрутированы в рамках ОНФ, созданного для придания «партии власти» имиджа общенародной, и, вероятно, призваны выполнять функцию «символического представительства» (Подвинцев 2015: 181–182) соответствующих социально-профессиональных категорий. В то же время, во фракциях партий, провозглашающих себя левыми или левоцентристскими (КПРФ и СР), нет ни одного депутата, который бы на момент избрания в нынешний созыв парламента или своего первого избрания в Госдуму принадлежал к рабочему классу. Это, наверное, неудивительно, учитывая, что эти партии слабо связаны с рабочим движением, которое в современной России не получило большого развития (стоит отметить, что среди членов КПРФ рабочие составляют всего 12,8%, в то время как пенсионеры — 43,6% (Облик партии... 2013)).

Вообще, присутствие в Госдуме не только рабочих, но и, в целом, выходцев с неключевых позиций в экономических структурах невелико. В частности, судя по основному месту работы, не более 3% депутатов на момент избрания в шестой созыв, занимали неключевую позицию в экономических структурах (рабочие, специалисты, консультанты, низшие и средние менеджеры), причем, нужно учесть, что некоторые из них были одновременно крупными акционерами компаний.

В общем, если судить по приведенным выше показателям (а также и ранее представленным данным о довольно скромном присутствии в Госдуме работников научно-образовательных учреждений, не относящихся к их высшему менеджменту), российскому парламенту, в плане бассейна рекрутирования депутатов, свойственна довольно высокая степень социальной закрытости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ социально-профессионального бассейна рекрутирования депутатов Государственной Думы шестого созыва позволил выявить ряд тенденций.

Во-первых, парламентская элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов Госдумы, особенно представителей фракции КПРФ, номенклатурный опыт (опыт работы в партийных, советских и комсомольских органах) распространен в большей степени, чем среди экономической и административной элиты России.

Во-вторых, политическая профессионализация является доминирующей тенденцией постсоветской карьеры депутатов: большинство парламентариев на момент избрания в шестой созыв были профессиональными политиками, в основном, думскими инкумбентами.

В-третьих, существенной тенденцией рекрутирования депутатского корпуса является бюрократизация. Значительная часть парламентариев шестого созыва, особенно представителей фракции ЕР, в постсоветский период работала в административных структурах. Имеют место динамические переплетения (пересечения) между федеральными административной и политической элитами России, особенно на уровне руководства нижней палаты парламента.

В-четвертых, выражена милитаризация политической элиты: доля выходцев из силовых структур в российском парламенте гораздо выше, чем в легислатурах стран Европы, хотя и ниже, чем в административной элите России. Вместе с тем, следует отметить, что в руководстве Госдумы доля бывших силовиков не выше, чем в среднем по нижней палате, и силовики довольно редко непосредственно рекрутируются в парламент.

В-пятых, бизнес является самым значимым источником рекрутирования парламентской элиты за пределами политико-административных структур. По уровню плутократизации Госдума существенно превосходит парламенты большинства стран Запада. Хотя представителей крупного в общенациональном масштабе капитала немного, но переплетения политической и экономической элит России все же имеют место.

В-шестых, некоторые профессиональные категории, широко представленные в легислатурах западных обществ — юристы (Конгресс США), учителя и преподаватели (парламенты стран Европы), довольно слабо присутствуют в Государственной Думе.

Наконец, прямые выходцы из рабочего класса и, вообще, с неключевых позиций в экономических структурах очень слабо представлены в парламентской элите, которая характеризуется довольно высокой степенью социальной закрытости.

Литература и источники

Баикатова А. Зарплата в сфере образования на треть ниже средней по стране // *Независимая газета*. 2011. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-10-13/4_stats.html (дата обращения: 13.10.2011).

Большинство россиян предпочитают демократии порядок. URL: <http://www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok> (дата обращения: 15.04.2015).

Волкова А. Рейтинг правовых государств: Россия провалилась по всем показателям. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (дата обращения: 25.12.2012).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 12.06.2016).

Во что превратился парламент Франции после выборов. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170619-vo-cto-prevratilsya-parlament-frantsii-posle-vyborov> (дата обращения: 20.06.2017).

Гаман-Голутвина О.В. Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В. М.: РОССПЭН, 2012. С. 113–142.

Гаман-Голутвина О.В. (а) Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I) // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 27–39.

Гаман-Голутвина О.В. (б) Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 67–74.

Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 46–58.

Государственная программа «Юстиция». URL: <http://verdicto.livejournal.com/19010.html> (дата обращения: 10.11.2011).

Григорьева М.В. Участие региональных и муниципальных депутатов в выборах законодательных собраний субъектов РФ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 3. С. 13–29.

Дзись-Войнаровский Н. Какая армия досталась Шойгу? URL: http://slon.ru/economics/kakaya_armiya_dostalas_shoygu-848783.xhtml?page=3#pager (дата обращения: 07.11.2012).

Доходы в образовании — национальный рейтинг. URL: <http://обрандзор.рф/действию/рейтингдоходов> (дата обращения: 03.09.2014).

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Завадская М.А. Думские инкубенты и «партия власти»: кросстемпоральный анализ // Полития. 2012. № 3 (66). С. 121–131.

Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 146–164.

Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: политико-правовой анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Казань, 2006.

Зубарев В.М. Порог сокращений достигнут // Независимое военное обозрение. 09.06.2000. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-09/3_threshold.html (дата обращения: 31.12.2016).

Институты власти теряют доверие граждан. URL: <http://www.levada.ru/2012/06/26/instituty-vlasti-terayuyut-doverie-grazhdan/> (дата обращения: 12.12.2012)

Институциональное доверие. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutionalnoe-doverie/> (дата обращения: 07.10.2015).

Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью // Полития. 2010. № 3–4 (58–59). С. 87–120.

Коргунюк Ю., Мелешкина Е. Организационное устройство «Единой России» и партии коммунистов Молдовы: взгляд изнутри // ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 1. С. 95–127.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Крыштановская О.В. (а) Бизнес-элита и олигархии: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 3–60.

Крыштановская О.В. (б) Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 158–180.

Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

Матвеева П., Ермаков Д. Думцы попали в двадцатку URL: http://ww.gazeta.ru/politics/2013/11/06_a_5740477.shtml (дата обращения: 06.11.2013).

Медведев Ю.С. Профессиональный статус как фактор успеха на региональных выборах // Полития. 2010. № 2 (57). С. 75–90.

Мониторинг новых российских законов и их правоприменение в области гражданских прав. Законодательство, ограничивающее свободу слова и выражения мнения. URL: <http://mhg-monitoring.org/zakon4> (дата обращения: 03.06.2016).

Национальный рейтинг доходов руководителей государственных вузов 2015 года. URL: <http://обнадзор.рф/на-контроле/доходы-ректоров-2015/> (дата обращения: 16.06.2015).

Нисневич Ю.А., Савинцева М.И. Отчет Transparency International — Russia. Использование административного ресурса на выборах депутатов Государственной думы РФ 4 декабря 2011 года. URL: <http://files.golos.org/docs/5375/original/5375-glava-6.doc?1328118890> (дата обращения: 09.12.2012).

Облик партии перед XV съездом // URL: <http://www.cprfspb.ru/10732.html> (дата обращения: 22.02.2013)

Петров Н. Построение силовиков // Вестник. 25.07.2016. № 4123 URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/25/650380-postroenie-silovikov> (дата обращения: 17.09.2016).

Подвицнев О.Б. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 171–189.

Пресс-выпуск № 706. Россияне хотят видеть в Государственной Думе экономистов и юристов // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8319> (дата обращения: 06.06.2007).

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя. 2001.

Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 149–157.

Самые уважаемые профессии в России — врач и учитель. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/05/samyu-uvazhaemye-professii-v-rossii-vrach-i-uchitel> (дата обращения: 05.10.2012).

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой С.-Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. Ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110.

Сводный финансовый отчет политической партии. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (Партия «Единая Россия») за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014)

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия Справедливая Россия за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Соловых С. Ж. Институт квалифицированной юридической помощи как гарантия доступности правосудия // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18). С. 16–18.

Тев Д.Б. Высокопоставленные региональные администраторы: особенности карьеры после ухода с должности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4 (81). С. 37–52.

Тев Д.Б. Городские Думы крупнейших региональных столиц: основные характеристики и тенденции изменения бассейна рекрутирования депутатов // ПОЛИТИКС. 2013. Т. 9. № 3. С. 74–90.

Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (дата обращения: 09.01.2018).

Тев Д.Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПрФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 52–75.

Тев Д.Б. (а) Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130.

Тев Д.Б. (б) Экономическая элита РФ: опыт работы в политико-административной сфере // Полития. 2016. № 2 (81). С. 89–108.

Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/zakon_02_67fz_n/zakon_02_67_full.html (дата обращения: 03.06.2016).

Шлейнов Р. Кто и почему пожертвовал «Единой России» 6 млрд. руб. // Ведомости. 20.12.2010. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (дата обращения: 20.12.2010).

Шульман Е. Суррогаты парламентаризма // Pro et Contra. 2014. Т. 18. № 1–2. С. 124–132.

Alford R.R, Friedland R. Political participation and public policy, *Annual Review of Sociology*, 1975, 1, pp. 429–479.

Best H. *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9-13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (available: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s, *Journal of Legislative Studies*, 2001, 7 (3), pp. 65–91.

Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress, *Legislative Studies Quarterly*, 2005, 30 (1), pp. 85–102.

Borchert J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations, *Regional & Federal Studies*, 2011, 21 (2), pp. 271–282.

Böröcz J., Róna-Tas Á. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 751–781.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Chaisty P. (a) The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia’s Majority in the Sixth Duma, *Russian analytical digest*, 2013, 127, pp. 8–12.

Chaisty P. (b) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma, *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.

Cotta M., de Almeida P.T. From Servants of the State to Elected Representatives: Public Sector Background among Members of Parliament, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 51–76.

Cotta M., Verzichelli L. Paths of Institutional Development and Elite Transformations, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 417–473.

Crowther W.E., Matonyte I. Parliamentary elites as a democratic thermometer: Estonia, Lithuania and Moldova compared, *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, 40 (3), pp. 281–299.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature, *Journal of Politics*, 1959, 21 (3), pp. 408–433.

Derge D.R. The Lawyer in the Indiana General Assembly, *Midwest Journal of Political Science*, 1962, 6 (1), pp. 19–53.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by M. Dogan. Boston: Brill, 2003, p. 17–89.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance, *Journal of Politics*, 1976, 38 (2), pp. 452–456.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis, in: *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*, ed. by H. Best, J. Higley, Leiden: Brill, 2010, p. 129–151.

Erikson R.S. The Advantage of Incumbency in Congressional Elections, *Polity*, 1971, 3 (3), pp. 395–405.

Eulau H., Koff D. Occupational Mobility and Political Career Author, *Western Political Quarterly*, 1962, 15 (3), pp. 507–521.

Faccio M. Politically Connected Firms, *The American Economic Review*, 2006, 96 (1), pp. 369–386.

Frankland E.G. Parliamentary Career Achievement in Britain and West Germany: A Comparative Analysis, *Legislative Studies Quarterly*, 1977, 2 (2), pp. 137–154.

Gallagher M. Social Backgrounds and Local Orientations of Members of the Irish Dail, *Legislative Studies Quarterly*, 1985, 10 (3), pp. 373–394.

Gaxie D., Godmer L. Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 106–135.

Gold D. Lawyers in Politics: An Empirical Exploration of Biographical Data on State Legislators, *The Pacific Sociological Review*, 1961, 4 (2), pp. 84–86.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21 (4), pp. 459–480.

Golosov G.V. (a) Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (3), pp. 397–414.

Golosov G.V. (b) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (4), pp. 623–639.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions, *Western Political Quarterly*, 1973, 26 (3), pp. 440–452.

Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia — Old wine in a new bottle? The circulation and reproduction of Russian elites, 1983–1993, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 639–668.

Hinckley B. Seniority in the Committee Leadership Selection of Congress, *Midwest Journal of Political Science*, 1969, 13 (4), pp. 613–630.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 267–282.

Ilonszki G. Socialist and Communist Members of Parliament: Distinctiveness, Convergence, and Variance, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 284–315.

Ilonszki G., Edinger M. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making, *The Journal of Legislative Studies*, 2007, 13 (1), pp. 142–163.

King A. The Rise of the Career Politician in Britain — And Its Consequences, *British Journal of Political Science*, 1981, 11 (3), pp. 249–285.

Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Élite, *Europe-Asia Studies*, 1996, 48 (5), pp. 711–733.

Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy, *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (4), pp. 289–306.

Kuklys M. *Transformation of Parliamentary Elites: Recruitment and Careers of Legislators in Estonia, Latvia and Lithuania, 1990–2012*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae (Dr. phil.). URL: <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-29087/Dissertation%20Kuklys%202013.pdf> (available: 29.12.2013).

Makarenko B.I. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context, *Russian Social Science Review*, 2012, 53 (4), pp. 27–56.

Matland R.E., Studlar D.T. Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis, *British Journal of Political Science*, 2004, 34 (1), pp. 87–108.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Miller M.C. *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*. Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Moncrief G.F. Recruitment and Retention in U. S. Legislatures, *Legislative Studies Quarterly*, 1999, 24 (2), pp. 173–208.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (available: 15.05.2014).

Podmore D. Lawyers and Politics, *British Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Polsby N.W., Gallaher M., Rundquist B.S. The Growth of the Seniority System in the U.S. House of Representatives, *American Political Science Review*, 1969, 63 (3), pp. 787–807.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics, *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (6), pp. 903–924.

Rewarding work, *The Economist*, 2013.15.07. URL: <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2013/07/daily-chart-12> (available: 17/09/2013).

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, 2006, 22 (2), pp. 125–144.

Roberts S.P. United Russia and the dominant-party framework: understanding the Russian party of power in comparative perspective, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 225–240.

Ruchelman L.I. Lawyers in the New York State Legislature: The Urban Factor, *Midwest Journal of Political Science*, 1966, 10 (4), pp. 484–497.

Sakwa R. Party and power: between representation and mobilisation in contemporary Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 310–327.

Schlesinger J.A. *Ambition in Politics: Political Careers in the United States*. Chicago: Rand McNally, 1966.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Semenova E. (a) Continuities in the Formation of Russian Political Elites, *Historical Social Research*, 2012, 37 (2 (140)), Political and Functional Elites in Post-Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90, pp. 71–90.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009, *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E. (b) Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007, *East European Politics and Societies*, 2012, 26 (3), pp. 538–560.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis, in: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation*, ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London & New York: Routledge, 2014, p. 284–307.

Shabad G., Slomczynski K.M. The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic, *Legislative Studies Quarterly*, 2002, 27 (3), pp. 333–359.

Slider D. How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2010, 26 (2), pp. 257–275.

Stolz K. Moving up, moving down: Political careers across territorial levels, *European Journal of Political Research*, 2003, 42 (2), pp. 223–248.

Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 615–638.

The Making of a Neo-KGB State: Russia under Putin, *The Economist*, 2007.23.08. URL: <http://www.economist.com/node/9682621> (available: 17.11.2007).

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? In: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 353–389.

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization, in: *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*, ed. by Markowski R., Wnuk-Lipiński E. Warsaw: Institute of Political Studies, Polish Academy of Sciences and Friedrich Ebert Foundation, 2001, p. 133–142.

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law ‘on political parties’ made a difference? *Europe-Asia Studies*, 2007, 59 (7), pp. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior, *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

WV6_Results_Russia_2011_v_2016_01_01.pdf. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (available: 23.09.2016).

DEPUTY CORPS: SOCIAL REPRESENTATION

THE STATE DUMA OF THE SIXTH CONVOCATION: SOCIO-PROFESSIONAL CHARACTERISTICS OF THE RECRUITING POOL OF DEPUTIES

D. Tev.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.3>

Abstract. *The article analyzes the socio-professional pool of recruitment of deputies of the sixth State Duma. The empirical basis of research is a database containing biographical information about the 532 parliamentarians. The author identifies a number of trends in recruitment. Russian political elite is essentially rooted in the structures of political and administrative power of the Soviet society: among the deputies of the State Duma, the nomenclature experience is common to a greater extent than in the administrative and economic elites of the country. The dominant trend in the post-soviet career of deputies is political professionalisation: the majority of MPs at the time of the election in the sixth convocation were professional politicians, primarily Duma incumbents. A noticeable trend is bureaucratization of deputy corps, many of whom worked in the post-Soviet period in the administrative structures. There have been dynamic interlocks between the administrative and political elites of the Russian Federation, particularly at the level of parliamentary leadership. Quite pronounced is militarization of the political elite: the proportion of people from the power structures in the Russian Parliament is much higher than in the legislatures of European countries, although lower than in the administrative elite of the country. Business is the most significant source of recruitment of members of Parliament outside the political and administrative structures. In terms of plutocratization State Duma substantially exceeds legislatures in most countries of the West. Although there are few representatives of large nationwide capital, interlocks of the economic and political elites of the country take place. At the same time, some professional categories, is widely represented in the legislatures of Western societies — lawyers (US Congress) and teachers and professors (the parliaments of European countries), rather weakly present in the State Duma. Finally, the direct descendants of the working class and, in general, a non-key positions in the economic structures are very poorly represented in the parliamentary elite, which is characterized by a fairly high degree of social closure.*

Keywords: *State Duma, deputies, pool of recruitment; professionalization, business, administration, nomenclature, force structures, lawyers, educators, workers.*

References

Alford R.R, Friedland R. Political participation and public policy, *Annual Review of Sociology*, 1975, 1, pp. 429–479.

Bashkatova A. Zarplata v sfere obrazovaniia na tret' nizhe srednei po strane. [Bashkatova A. Salaries in education at one-third lower than the national average]. *Nezavisimaa gazeta*. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-10-13/4_stats.html (available: 13.10.2011). (In Russian).

Best H. *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9-13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (available: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s, *Journal of Legislative Studies*, 2001, 7 (3), pp. 65–91.

Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress, *Legislative Studies Quarterly*, 2005, 30 (1), pp. 85–102.

Bol'shinstvo rossiian predpochitaiut demokratii poriadok [Most Russians prefer order to democracy]. URL: <http://www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok> (available: 15.04.2015). (In Russian).

Borchert J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations, *Regional & Federal Studies*, 2011, 21 (2), pp. 271–282.

Böröcz J., Róna-Tas Á. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 751–781.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Chaisty P. (a) The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia's Majority in the Sixth Duma, *Russian analytical digest*, 2013, 127, pp. 8–12.

Chaisty P. (b) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma, *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.

Cotta M., de Almeida P.T. From Servants of the State to Elected Representatives: Public Sector Background among Members of Parliament, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 51–76.

Cotta M., Verzichelli L. Paths of Institutional Development and Elite Transformations, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 417–473.

Crowther W.E., Matonyte I. Parliamentary elites as a democratic thermometer: Estonia, Lithuania and Moldova compared, *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, 40 (3), pp. 281–299.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature, *Journal of Politics*, 1959, 21 (3), pp. 408–433.

Derge D.R. The Lawyer in the Indiana General Assembly, *Midwest Journal of Political Science*, 1962, 6 (1), pp. 19–53.

Dogan M. Is there a Ruling Class in France? In: *Elite Configurations at the Apex of Power*, ed. by M. Dogan. Boston: Brill, 2003, p. 17–89.

Dokhody v obrazovanii — natsional'nyi reiting [Reveneness in education — national rating] URL: <http://обрнадзор.рф/вдействи/рейтингдоходов> (available: 03.09.2014). (In Russian).

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh. [Duka A.V. On the question of military rule: siloviki in regional power elites], in: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniia: Materialy desiatogo Vserossiiskogo seminara «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviakh rossiiskoi transformatsii* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia's transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersotsis, 2012. P. 94–120.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance, *Journal of Politics*, 1976, 38 (2), pp. 452–456.

Dzis'-Voinarovskii N. Kakaia armia dostalas' Shoigu? [Dzis'-Voinarovskii N. What army went Shoigu?]. URL: http://slon.ru/economics/kakaya_armiya_dostalas_shoigu-848783.xhtml?page=3#pager (available: 07.12.2012). (In Russian).

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis, in: *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*, ed. by H. Best, J. Higley, Leiden: Brill, 2010, p. 129–151.

Erikson R.S. The Advantage of Incumbency in Congressional Elections, *Polity*, 1971, 3 (3), pp. 395–405.

Eulau H., Koff D. Occupational Mobility and Political Career Author, *Western Political Quarterly*, 1962, 15 (3), pp. 507–521.

Faccio M. Politically Connected Firms, *The American Economic Review*, 2006, 96 (1), pp. 369–386.

Federal'nyi zakon № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiiakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumakh grazhdan Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law № 67-FZ “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation.”]. URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/zakon_02_67fz_n/zakon_02_67_full.html (available: 15.09.2016). (In Russian).

Frankland E.G. Parliamentary Career Achievement in Britain and West Germany: A Comparative Analysis, *Legislative Studies Quarterly*, 1977, 2 (2), pp. 137–154.

Gallagher M. Social Backgrounds and Local Orientations of Members of the Irish Dail, *Legislative Studies Quarterly*, 1985, 10 (3), pp. 373–394.

Gaman-Golutvina O.V. Parlamentskii korpus sovremennoi Rossii [Gaman-Golutvina O.V. The parliamentary body of modern Russia], in: *Politicheskii klass*

v sovremennom obshchestve [The political class in modern society], ed. By O.V. Gaman-Golutvina. M.: ROSSPEN, 2012. P. 113–142. (In Russian).

Gaman-Golutvina O.V. (a) Rossiiskii parlamentarizm v istoricheskoi retrospektive i sravnitel'noi perspektive (I). [Gaman-Golutvina O.V. Russian parliamentarism in historical retrospective and comparative perspective (I)], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2006, 2, pp. 27–39. (In Russian).

Gaman-Golutvina O.V. (b) Rossiiskii parlamentarizm v istoricheskoi retrospektive i sravnitel'noi perspektive (II). [Gaman-Golutvina O.V. Russian parliamentarism in historical retrospective and comparative perspective (II)], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2006, 3, pp. 67–74. (In Russian).

Gaxie D., Godmer L. Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 106–135.

Gel'man V.Ia. O transformatsii partiinoi sistemy: Ot “besformennogo pliaralizma” — k “dominiruiushchei vlasti”? [Gelman V.Ya. On the transformation of the party system: From “feckless pluralism” — to the “dominant power”?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2006, 1, pp. 46–58. (In Russian).

Gold D. Lawyers in Politics: An Empirical Exploration of Biographical Data on State Legislators, *The Pacific Sociological Review*, 1961, 4 (2), pp. 84–86.

Goloso G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21 (4), pp. 459–480.

Goloso G.V. (a) Russia's Regional Legislative Elections, 2003-2007: Authoritarianism Incorporated, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (3), pp. 397–414.

Goloso G.V. (b) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia, *Europe-Asia Studies*, 2011, 63 (4), pp. 623–639.

Gosudarstvennaia programma «Iustitsiia» [The state program “Justice”]. URL: <http://verdicto.livejournal.com/19010.html> (available: 10.11.2011). (In Russian).

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions, *Western Political Quarterly*, 1973, 26 (3), pp. 440–452.

Grigor'eva M.V. Uchastie regional'nykh i munitsipal'nykh deputatov v vyborah zakonodateľnykh sobranii sub'ektov RF. [Grigorieva M.V. Participation of regional and municipal deputies in the elections of the legislative assemblies of the subjects of the Russian Federation], *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Politologiya*, 2012, 3, pp. 13–29. (In Russian).

Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia — Old wine in a new bottle? The circulation and reproduction of Russian elites, 1983-1993, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 639–668.

Hinckley B. Seniority in the Committee Leadership Selection of Congress, *Midwest Journal of Political Science*, 1969, 13 (4), pp. 613–630.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 267–282.

Ilonszki G. Socialist and Communist Members of Parliament: Distinctiveness, Convergence, and Variance, in: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 284–315.

Ilonszki G., Edinger M. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making, *The Journal of Legislative Studies*, 2007, 13 (1), pp. 142–163.

Institutsional'noe doverie [Institutional trust] URL: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutsionalnoe-doverie/> (available: 07.10.2015). (In Russian).

Instituty vlasti terjajut doverie grazhdan [Institutions of power are losing the trust of citizens]. URL: <http://www.levada.ru/2012/06/26/instituty-vlasti-teryayut-doverie-grazhdan/> (available: 12.12.2012). (In Russian).

King A. The Rise of the Career Politician in Britain — And Its Consequences, *British Journal of Political Science*, 1981, 11 (3), pp. 249–285.

Korguniuk Iu.G. *Finansirovanie partii v postsovetsoi Rossii: mezhdubiznesom i vlast'iu*. [Korgunyuk Y.G. Financing of parties in post-Soviet Russia: between business and power], *Politika*, 2010, 3-4 (58–59), pp. 87–120. (In Russian).

Korguniuk Iu., Meleshkina E. Organizatsionnoe ustroistvo “Edinoi Rossii” i partii kommunistov Moldovy: vzgliad iznutri [Korgunyuk Yu, Meleshkina E. Organization of the “United Russia” and the Communist Party of Moldova: Inside view], *POLITEKS*, 2010, 6 (1), pp. 95–127. (In Russian).

Kryshtanovskaia O. *Anatomiia rossiiskoi elity* [Kryshtanovskaia O. Anatomy of the Russian elite]. M.: Zakharov, 2005. (In Russian). (In Russian).

Kryshtanovskaia O.V. (a) Biznes-elita i oligarkhi: itogi desiatiletiia. [Kryshtanovskaia O.V. The business elite and the oligarchs: results of a decade]. *Mir Rossii*, 2002, 4, pp. 3–60. (In Russian).

Kryshtanovskaia O.V. (b) Rezhim Putina: liberal'naia militokratiia? [Kryshtanovskaia O.V. The Putin regime: liberal militocracy?]. *Pro et Contra*, 2002, 4, pp. 158–180. (In Russian).

Kryshtanovskaia O. Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu. [Kryshtanovskaia O.V. Transformation of the old nomenclature to the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995, 1, pp. 51–65. (In Russian).

Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Élite, *Europe-Asia Studies*, 1996, 48 (5), pp. 711–733.

Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy, *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (4), pp. 289–306.

Kuklys M. *Transformation of Parliamentary Elites: Recruitment and Careers of Legislators in Estonia, Latvia and Lithuania, 1990-2012*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae (Dr. phil.). URL: <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-29087/Dissertation%20Kuklys%202013.pdf> (available: 29.12.2013).

Makarenko B.I. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context, *Russian Social Science Review*, 2012, 53 (4), pp. 27–56.

Matland R.E., Studlar D.T. Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis, *British Journal of Political Science*, 2004, 34 (1), pp. 87–108.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Matveeva P., Ermakov D. Dumtsy popali v dvadtsatku. [Matveeva P., Ermakov D. Duma members were in the top twenty] URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/11/06_a_5740477.shtml (available: 06.11.2013). (In Russian).

Medvedev Iu.S. Professional'nyi status kak faktor uspekha na regional'nykh vyborakh. [Medvedev Y.S. Professional status as a factor of success in regional elections], *Politiia*, 2010, 2 (57), pp. 75–90. (In Russian).

Miller M.C. *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*, Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Moncrief G.F. Recruitment and Retention in U. S. Legislatures, *Legislative Studies Quarterly*, 1999, 24 (2), pp. 173–208.

Monitoring novykh rossiiskikh zakonov i ikh pravoprimerenie v oblasti grazhdanskikh prav. Zakonodatel'stvo, ogranichivaiushchee svobodu slova i vyrazheniia mneniia [Monitoring of the new Russian laws and their enforcement in the field of civil rights. Legislation restricting the freedom of speech and expression of opinion]. URL: <http://mhg-monitoring.org/zakon4> (available: 03.06.2016). (In Russian).

Natsional'nyi reiting dokhodov rukovoditelei gosudarstvennykh vuzov 2015 goda [National rating income managers of state universities in 2015]. URL: <http://обрудзор.рф/на-контроле/доходы-ректоров-2015/> (available: 16.06.2015). (In Russian).

Nisnevich Iu.A., Savintseva M.I. (2012) Otchet Transparency International — Russia. Ispol'zovanie administrativnogo resursa na vyborakh deputatov Gosudarstvennoi dumy RF 4 dekabria 2011 goda [Nisnevich Y.A., Savintseva M.I. Report of Transparency International — Russia. The use of administrative resource in the elections of deputies of the State Duma December 4, 2011]. URL: <http://files.golos.org/docs/5375/original/5375-glava-6.doc?1328118890> (available: 09.12.2012). (In Russian).

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Oblik partii pered XV s'ezdom [The face of the party before the XV Congress]. URL: <http://www.cprfspb.ru/10732.html> (available: 22.02.2013). (In Russian).

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (available: 15.05.2014).

Petrov N. Postroenie silovikov [Petrov N. Forming-up of silovikov], *Vedomosti*, 25.07.2016, 4123. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/25/650380-postroenie-silovikov> (available: 17.09.2016). (In Russian).

Podmore D. Lawyers and Politics, *British Journal of Law and Society*, 1977, 4 (2), pp. 155–185.

Podvintsev O.B. Popytka formirovaniia novykh politicheskikh elit v regionakh RF: tseli, mekhanizmy, rezul'taty (2012-2014 gg.). [Podvintzev O.V. Trying to form new political elites in Russia's regions: goals, mechanisms, results (2012–2014)], in: *Vlast' i elity*. [Power and elites], T. 2, ed. by Duka A.V. SPb.: Intersotsis, 2015. P. 171–189. (In Russian).

Polsby N.W., Gallaher M., Rundquist B.S. The Growth of the Seniority System in the U.S. House of Representatives, *American Political Science Review*, 1969, 63 (3), pp. 787–807.

Press-vypusk № 706. Rossiiane khotiat videt' v Gosudarstvennoi Dume ekonomistov i iuristov [Press release number 706. The Russians want to see economists and lawyers in the State Duma]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8319> (available: 06.06.2007). (In Russian).

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Regional'nye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii. [Regional elites of the North-West of Russia: political and economic orientations], ed. by A.V. Duka. SPb.: Aleteiia, 2001. (In Russian).

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics, *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (6), pp. 903–924.

Rewarding work, *The Economist*, 2013.15.07. URL: <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2013/07/daily-chart-12> (available: 17/09/2013).

Rivera S., Rivera D. K bolee tochnym otsenkam transformatsii v rossiiskoi elite. [Rivera S., Rivera D. For more accurate estimates of transformations in the Russian elite], *Polis*. Politicheskie issledovaniia, 2009, 5, pp. 149–157. (In Russian).

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, 2006, 22 (2), pp. 125–144.

Roberts S.P. United Russia and the dominant-party framework: understanding the Russian party of power in comparative perspective, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 225–240.

Safronov V.V. (2010) Konsolidatsiia avtoritarizma ili demokratizatsiia: podderzhka putinskogo rezhima elitoi S.-Peterburga [Safronov V.V. The consolidation of authoritarianism or democratization: support of Putin's regime by elites of St. Petersburg], In: *Usloviia i vozmozhnosti konsolidatsii rossiiskogo obshchestva: Sbornik nauchnykh trudov SI RAN* [Conditions and opportunities of consolidation of the

Russian society: Proceedings of SI RAN], Ed. by. A.V. Duka, I.I. Eliseeva. SPb.: Nestor-Istoriia, 2010. P. 30–110. (In Russian).

Ruchelman L.I. Lawyers in the New York State Legislature: The Urban Factor, *Midwest Journal of Political Science*, 1966, 10 (4), pp. 484–497.

Sakwa R. Party and power: between representation and mobilisation in contemporary Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 310–327.

Samye uvazhaemye professii v Rossii — vrach i uchitel' [The most respected profession in Russia — a doctor and a teacher]. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/05/samye-uvazhaemye-professii-v-rossii-vrach-i-uchitel> (available: 05.10.2012). (In Russian).

Schlesinger J.A. *Ambition in Politics: Political Careers in the United States*. Chicago: Rand McNally, 1966.

Schlesinger J.A. Lawyers and American Politics: A Clarified View, *Midwest Journal of Political Science*, 1957, 1 (1), pp. 26–39.

Semenova E. (a) Continuities in the Formation of Russian Political Elites, *Historical Social Research*, 2012, 37 (2 (140)), Political and Functional Elites in Post-Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90, pp. 71–90.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991-2009, *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E. (b) Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007, *East European Politics and Societies*, 2012, 26 (3), pp. 538–560.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis, in: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation*, ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London & New York: Routledge, 2014, p. 284–307.

Shabad G., Slomczynski K.M. The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic, *Legislative Studies Quarterly*, 2002, 27 (3), pp. 333–359.

Shleynov R. (2010) Kto i pochemu pozhertvoval «Edinoj Rossii» 6 mlrd. rub. [Shleynov R. Who and why donate to “United Russia” 6 billion. Rub.], *Vedomosti*. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (available: 20.12.2010). (In Russian).

Shul'man E. (2014) Currogaty parlamentarizma. [Shulman E. Substitutes of parliamentarism], *Pro et Contra*, 2014, 18 (1-2), pp. 124–132. (In Russian).

Slider D. How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2010, 26 (2), pp. 257–275.

Solovykh S.Zh. Institut kvalifitsirovannoi iuridicheskoi pomoshchi kak garantiia dostupnosti pravosudiia. [Solovykh S.Z. Institute of qualified legal aid as a guarantee of access to justice]. *Evraziiskaia advokatura*, 2015, 5 (18), pp. 16–18. (In Russian).

Stolz K. Moving up, moving down: Political careers across territorial levels, *European Journal of Political Research*, 2003, 42 (2), pp. 223–248.

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Politicheskaja partija «Kommunističeskaja partija Rossijskoi Federatsii» (KPRF) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party “Communist Party of the Russian Federation” (KPRF) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Politicheskaja partija «Liberal'no-demokratičeskaja partija Rossii» (LDPR) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political Party “Liberal Democratic Party of Russia” (LDPR) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Politicheskaja partija Spravedlivaia Rossiia za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party A Just Russia in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoi partii. Vserossijskaja političeskaja partija «Edinaia Rossiia» (Partija «Edinaia Rossiia») za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. All-Russian political party “United Russia” (The party “United Russia”) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian).

Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe, *Theory and Society*, 1995, 24 (5), Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 615–638.

Tev D.B. (a) Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovanija. [Tev D.B. Federal administrative elite of Russia: career paths and channels of recruitment], *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2016, 4, pp. 115–130. (In Russian).

Tev D.B. Gorodskie Dumy krupnejshih regional'nyh stolic: osnovnye harakteristiki i tendencii izmenenija bassejna rekrutirovanija deputatov. [Tev D.B. City councils of the largest regional capitals: the main characteristics and trends in the recruitment pool of deputies], *POLITEKS*, 2013, 9 (3), pp. 74–90. (In Russian).

Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF VI sozyva: social'no-professional'nye istočniki rekrutirovanija. [Tev D. B. Deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VI convocation: social and professional sources of recruitment], *Jekonomičeskaja sociologija*, 2017, 18 (5), pp. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (available: 09.01.2018). (In Russian).

Tev D.B. (b) Jekonomičeskaja jelita RF: opyt raboty v politiko-administrativnoj sfere [Tev D.B. Economic elite of Russian Federation: work experience in the political-administrative sphere], *Politija*, 2016, 2 (81), pp. 89–108. (In Russian).

Tev D.B. Regional'nyj deputatskij korpus partij «vtorogo jeshelona»: sravnitel'nyj analiz bassejna rekrutirovanija parlamentariev KPRF, «Spravedlivoj Rossii» i LDPR.

[Tev D.B. The regional deputy corps parties “second echelon”: A Comparative Analysis of the recruiting pool of parliamentarians of KPRF, A Just Russia and LDPR], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminar «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia’s transformation], ed. by A.V. Duka. SPb.: Intersocis, 2012. P. 52–75. (In Russian).

Tev D.B. Vysokopostavlennye regional’nye administratory: osobennosti kar’ery posle uhoda s dolzhnosti. [Tev D.B. Senior regional administrators: features of career after leaving office], *Zhurnal sociologii i social’noj antropologii*, 2015, XVIII, 4 (81), pp. 37–52. (In Russian).

The Making of a Neo-KGB State: Russia under Putin, *The Economist*, 2007.23.08. URL: <http://www.economist.com/node/9682621> (available: 17.11.2007).

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? In: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*, ed. By M. Cotta, H. Best., Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 353–389.

Vo chto prevratilsja parlament Francii posle vyborov [What became the French parliament after the elections]. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170619-vo-chto-prevratilsya-parlament-frantsii-posle-vyborov> (available 20.06.2017). (In Russian).

Volkova A. Reiting pravovykh gosudarstv: Rossiia provalilas’ po vsem pokazateliam [Volkova A. Rating of rule-of-law states: Russia failed on all counts] URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (available: 25.12.2012). (In Russian).

Volkova O. Uchenye nazvali politicheskie sviazi glavnyim istochnikom bogatstva v Rossii [Volkova O. Scientists qualify the political ties as main source of wealth in Russia] URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (available: 12.06.2016). (In Russian).

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization, in: *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*, ed. by Markowski R., Wnuk-Lipiński E. Warsaw: Institute of Political Studies, Polish Academy of Sciences and Friedrich Ebert Foundation, 2001, p. 133–142.

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law ‘on political parties’ made a difference? *Europe-Asia Studies*, 2007, 59 (7), pp. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior, *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

WV6_Results_Russia_2011_v_2016_01_01.pdf. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (available: 23.09.2016).

Zavadskaja M.A. Dumskie inkumbenty i «partiiia vlasti»: krosstemporal’nyi analiz [Zavadskaja M.A. The Duma’s incumbents and “party of power”: krosstemporalny analysis], *Politiia*, 2012, 3 (66), pp. 121–131. (In Russian).

Zaznaev O.I. Indeksnyi analiz poluprezidentskikh gosudarstv Evropy i post-sovetskogo prostranstva. [Zaznaev O.I. Index Analysis of semi-presidential states of Europe and the post-soviet space], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2007, 2, pp. 146–164. (In Russian).

Zaznaev O.I. Poluprezidentskaia sistema: politiko-pravovoi analiz. [Zaznaev O.I. Semi-presidential system: political and legal analysis]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora iuridicheskikh nauk, Kazan', 2006. (In Russian).

Zubarev V.M. Porog sokrashchenii dostignut [Zubarev V.M. Threshold of reductions is achieved]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 09.06.2000. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2000-06-09/3_threshold.html (available: 31.12.2016). (In Russian).